

**МАТЕРИАЛЫ УГЛИЧСКОГО СЛЕДСТВЕННОГО
ДЕЛА О ГИБЕЛИ ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ В 1591 Г.:
НОВЫЙ ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ***

«Семен Годунов: Ты помнишь -
Когда, падучим схваченный недугом,
Упал на нож и закололся он -
Ты помнишь...

Борис: Ну?

Семен Годунов: Нагие оболгали
Тебя, что будто...

Борис: Помню басню их.
Ну, что ж? Когда б и вправду так случилось,
Как мог воскреснуть он?

Семен Годунов: Убийцы, мол,
Ошиблися - зарезали другого.

Борис (вставая):
Кто смеет это говорить? Его
Весь Углич мертвым видел! Ошибиться

* Авторы глубоко признательны сотрудникам центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» ИВИ РАН, а также участникам научно-исследовательского семинара члена-корреспондента РАН С.М. Каштанова в ИАИ РГГУ «Источниковедение истории России X-XVIII вв.» (особенно, К.В. Баранову, К.Ю. Ерусалимскому, В.Ю. Кацу, А.В. Кузьмину, Н.А. Лузанову и А.С. Усачеву), принявшим участие в обсуждении этого исследования. Горячо благодарим членов семинара д.и.н. М.С.Бобковой в ИВИ РАН «Люди и тексты», чьи вопросы, рекомендации и замечания, высказанные в ходе дискуссии по нашему докладу, были особенно полезны: Е.Е.Бергер, В.Н.Малова, М.А.Петрову и А.И.Сидорова. Слова особой благодарности – доктору медицинских наук, профессору Надежде Дмитриевне Лакосиной, взявшей на себя труд ознакомиться с нашим исследованием в рукописи и сделавшей важные замечания медицинского характера. Интересом к событиям в Угличе 1591 г. авторы целиком обязаны Сергею Михайловичу Каштанову, который направлял их и никогда не отказывал в дружеском совете и консультации.

Не мог никто!»
(А.К.Толстой. *Царь Борис*)

«И мальчики кровавые в глазах...»
(А.С.Пушкин. *Борис Годунов*)

15 мая 1591 г. в удельном Угличе гул набатного колокола возвестил о смерти на княжеском дворе младшего брата царя Федора восьмилетнего сына Марии Нагой и фактического наследника престола царевича Дмитрия. Сразу же родилась версия о злодейском убийстве царевича и названы злоумышленники: сын дьяка Михаила Битяговского Данила, его племянник Никита Качалов и сын царевичевой мамки Осип Волохов. Вместе с самим дьяком и еще несколькими посадскими людьми и слугами они были зверски убиты толпой. Вскоре началось следствие, которое велось боярином Василием Ивановичем Шуйским, окольным Андреем Петровичем Луп-Клешниным, дьяком Елизарием Даниловичем Вылузгиным и представлявшим патриарха Иова крутицким митрополитом Геласием¹. В результате деятельности комиссии появилось Следственное дело, которое 2 июня было доложено царю Федору и Освященному собору. В нем утверждалось, что небрежением Нагих царевич закололся ножом во время игры с ребятами-«жильцами» «в тычку», в припадке «черной болезни падучей»². По распоряжению правительства Федора

¹ Подробнее см.: *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 153-154; см. также: *Полосин И.И.* Социально-политическая история России XVI – начала XVII в.: Сб. статей. М., 1963. С. 225; *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1983. С. 71-72; *Он же.* Лихолетье: Москва в XVI-XVII веках. М., 1988. С. 147-163; *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 104-110 и др.

² РГАДА. Ф. 148: «Угличская Следственная комиссия во главе с князем В.И. Шуйским», Оп. 1. Д. 1. Издания текста Следственного дела см.: Следственное дело об убиении царевича Дмитрия Иоанновича, произведенное в Угличе по повелению

Ивановича, Нагих разослали по тюрьмам. Мать царевича – Марию Нагую – насильно постригли в монастыре на Выксе. Угличане – участники волнения – подверглись ссылке в Сибирь³.

Летом 1606 г. в условиях начала Крестьянской войны вновь всплыло имя царевича Дмитрия – на сей раз будто бы «чудом спасшегося» от убийц. Правительство царя Василия Шуйского канонизировало «невинно убиенного отрока» и тем самым перечеркнуло выводы Следственной комиссии 1591 г.⁴ С тех пор в публицистике, а позднее в исторической и художественной литературе бытуют две версии о гибели Дмитрия Угличского: о его убийстве и о «самозаклании»⁵.

государя царя Феодора Иоанновича боярином князем Василием Ивановичем Шуйским, окольниковым Андреем Петровичем Клешниным и дьяком Елизарием Вылузгиным. Писано 1591 года, в мае... // СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 60. С. 103–123; *Суворин А.С.* О Дмитрие Самозванце: Критические очерки, с приложением нового списка следственного дела о смерти царевича Дмитрия. СПб., 1906; Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия. 15 мая 1591 г. / Изд. подгот. В.[К]. Клейн. М., 1913; *Таймасова Л.* Трагедия в Угличе: Что произошло 15 мая 1591 года? М., 2006. С. 417–459 (репринт издания 1906 г.). Выдержки из Следственного дела опубликованы В.Н. Козляковым (Дневник Марины Мнишек. М., 1995. Приложение С. 162-166 (по СГГД)), а затем переизданы Л.Е. Морзовой (*Морозова Л.Е.* История России: Смутное время. М., 2011. С. 32-37 (по публикации В.Н. Козлякова)). Козляковым и Морозовой воспроизведены распросные речи Михаила, Григория и Андрея Нагих, Василисы Волоховой, а также челобитная Русина Ракова. В настоящее время авторами готовится новое дипломатическое и факсимильное издание Угличского следственного дела.

³ *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений... С. 154.

⁴ Там же. С. 154.

⁵ Историография вопроса подробно исследована А.А.Зиминим (см.: *Зимин А.А.* Смерть царевича Дмитрия и Борис Годунов // Вопросы истории. 1978. № 9. С. 92-94).

Царевич Дмитрий Иванович. Икона начала XVII в.

Русская подпись Лжедмитрия I

В XIX в. интерес к угличской драме проснулся вновь: Н.М. Карамзин мастерски нарисовал драму царя-убийцы Бориса Годунова в своей «Истории государства Российского». Эта тема нашла продолжение в грандиозной национальной трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов», которую поэт посвятил памяти Карамзина. В свою очередь Пушкинская трагедия легла в основу либретто оперы М.П. Мусоргского «Борис Годунов». Эти произведения, вошедшие в золотой фонд русской и мировой культуры, еще больше способствовали распространению версии о причастности Годунова к гибели царевича Дмитрия.

Однако точка в этом вопросе не поставлена. Действительно ли Борис Годунов хладнокровно устранял соперника, предвидя раннюю кончину царя Федора Ивановича и то, что тот так и останется бездетным? Действительно ли царскому шурина (а Федор Иванович был женат на сестре Годунова Ирине) удалось просчитать ход событий на ближайшие семь лет вперед? Почему мать царевича Дмитрия и ее родственники Нагие немедленно назвали имена убийц и кто были эти люди? Почему Следственная комиссия, возглавляемая боярином Василием Шуйским, пришла к выводу о не причастности Годунова к событиям 15 мая 1591 г., а спустя всего несколько лет Мария Нагая признала в Лжедмитрии I своего чудом спасшегося сына? Почему Василий Шуйский впоследствии еще дважды спешно пересматривал решение Следственной комиссии и настаивал на признании виновности Бориса Годунова в этом деле? Загадка так и остается неразгаданной, превратившись в настоящий детектив конца XVI в.

Царевич погиб еще ребенком, причем очень и очень больным. Пытаясь решить вопрос о том, мог ли он сам заколоть себя ножом в припадке «черной болезни падучей», историки нередко консультировались по этому поводу с врачами. И опять не получали однозначного ответа, хотя медики и не уставали повторять, что в припадке эпилепсии больные нередко наносят себе увечья, в том числе – смертельные. Смерть в результате несчаст-

ных случаев у больных эпилепсией до сих пор, даже при современном состоянии медицины, встречается достаточно часто. Тем не менее, следует помнить, что наиболее частыми причинами смерти у больных эпилепсией по статистике являются утопление и травмы головы, а вовсе не ножевые ранения, в том числе – в шею. Ни историки, ни медики не сомневались, что малолетний наследник престола погиб от того, что у него было перерезано горло, а не от ранения в живот или, скажем, сердце.

Копия рукописи с подписями свидетелей. Текст, написанный в старославянском или церковнославянском стиле, содержит имена и фамилии, вероятно, участников следствия или врачей, упоминаемых в тексте.

Угличское следственное дело. Подписи свидетелей

Обстоятельства гибели царевича Дмитрия комментировались не только историками, но и врачами, занимающимися историей медицины и криминалистики в России, в частности – судмедэкспертами. Однако неврологи и психиатры-эпилептологи никогда прежде сами систематически не исследовали сохранившиеся источники о событиях 15 мая 1591 г. Они только давали свое заключение по вполне четко сформулированному историками вопросу: «Мог ли царевич заколоть себя сам во время приступа болезни?». Впрочем, однозначный ответ так и не прозвучал.

Скорая расправа над лицами, обвиненными в убийстве Дмитрия Угличского, почти не оставила шан-

сов получить сколько-нибудь достоверные сведения о «годуновском следе» в этом деле. Допрошены были лишь насмерть перепуганные женщины, сопровождавшие царевича во время прогулки (заметим, что одна из них – Василиса Волохова – была до полусмерти избита), «робятки жильцы», с которыми играл царевич, а также стряпчий Семейка Юдин – случайный свидетель, наблюдавший за трагедией из окон дворца.

Не было зафиксировано и тщательно описано точное место гибели большого мальчика и наличие ран на его теле. Можно только предполагать, где на самом деле развернулась трагедия. Местоположение выстроенной в 1692 г. церкви Дмитрия на Крови в Угличе только очень приблизительно очерчивает территорию, на которой состоялась игра царевича с «робятками» в ножички и где он встретил свой последний час. Мы не знаем ни положения мертвого тела мальчика, ни то, как относительно туловища были расположены его руки, ни то, сжимал ли он, уже мертвый, свой ножичек и действительно ли смертельная рана была нанесена этим, а не каким-то другим оружием и действительно ли эта рана была в области горла.

Как нарочно, все следы были уничтожены сразу же после смерти царевича: кормилица Арина Тучкова немедленно схватила его, еще живого или уже умирающего на руки, примчавшаяся на место трагедии царица Мария Нагая затеяла расправу над Василисой Волоховой, и обе они затоптали все следы. Дело довершили дьяк Михаил Битяговский, метавшийся по двору, при скакавший на коне пьяный Михаил Нагой, а также сбежавшиеся на зов колокола посадские и слободские люди, подгородные крестьяне, казаки с судов, ярыжки. Впрочем, о сохранении следов никто и не озаботился.

Нож не сохранился и, по-видимому, даже не были предприняты попытки его отыскать. «Ножи, и палицу, и сабли, и самопалы», обильно политые свежей «курячью кровью», которые Нагие в ожидании следственной комиссии спешно побросали на тела убитых 15 мая угличан, никакого отношения к гибели царевича не имели:

«...да велѣл палицу желѣсную добыт(ь). И тѣ ножи и палицу велѣл [...] Михаило Нагой покласти на тѣ люди, кото[рые] побиты: на Осипа Волохова, да на Дани[ла] на Михайлова с(ы)на Битяговского, да на Ми[ки]ту на Качалова, да на Данила на Трет(ь)яков[а] для того, что де будто се тѣ люди ц(а)р(е)вича Дмитрея зарѣзали...». Эта одна из первых зафиксированных источниками инсценировок, связанных с фальсификацией улик, могла бы показаться сегодня бесхитростной до наивности и даже вызвать улыбку. Однако в этой мистификации отразились судорожные попытки Нагих оправдать кровавую расправу с якобы «убийцами царевичу» и избежать обвинений в мятеже и измене. Кроме того, избранный Нагими способ имитировать следы преступления ярко свидетельствует о примитивном уровне практической криминалистики в России в конце XVI в.

Еще в Смутное время родилась версия о чудесном спасении младшего сына Ивана Грозного, который будто бы избежал гибели, будучи подменен другим мальчиком. Именно ее старательно придерживался Лжедмитрий I, выдававший себя за царевича Дмитрия Ивановича Угличского. Версия о спасении подлинного Дмитрия получила распространение в специальной историко-криминалистической и судебно-медицинской литературе. Так, судмедэксперт и историк медицины Н.Ф. Неделько высказал предположение о том, что смертельное ранение на внутреннем дворе царевичева дворца в Угличе получил не Дмитрий, а совсем другой мальчик. Его будто бы специально держали при царевиче Нагие, предвидя, что царевича рано или поздно попытаются устранить. И во дворе с «робятками жильцами» играл в тычку не подлинный Дмитрий, а его двойник. Наследника престола Нагим удалось вовремя спрятать, вывезя его из Углича. О вероятной подмене наследника, по мнению Неделько, свидетельствуют и уничтожение улик, и намеренная их фальсификация, и будто бы странное поведение царицы, и недоступность тела мертвого ребенка для освидетельствования, а также то, что

Следственная комиссия явилась в Углич, уже имея заранее заготовленное решение по делу, суть которого сводилась к доказательству непричастности к трагедии Бориса Годунова⁶. Совсем недавно появилась книга Л.Ю. Таймасовой, в которой автор попыталась примирить существующие версии гибели царевича Дмитрия Угличского и предположила, что все они – «...убийство, несчастный случай и спасение – соответствуют истине»⁷. Однако подобная точка зрения не выдерживает критики.

1. Смерть царевича Дмитрия

«Воротынский: Ужасное злодейство!

Полно точно ль Царевича сгубил Борис?

Шуйский: А кто же?»

(А.С.Пушкин. Борис Годунов)

Каковы же реальные события, связанные с гибелью царевича Дмитрия? Располагает ли наука достаточными и достоверными свидетельствами источников, которые могли бы быть интерпретированы с позиций современной психиатрии? Иными словами, имеются ли основания для составления патографии царевича Дмитрия – особой области психиатрических исследований, занимающейся изучением исторических личностей сквозь призму их болезней – настоящих или мнимых? Может ли патография царевича Дмитрия пролить свет на обстоятельства его гибели 15 мая 1591 г. в Угличе?

В источниках болезнь царевича Дмитрия именуется «падучей», «падучим недугом», «немощью падучей», «недугом», «болезнью», «черным недугом». Так в XVI-XVII вв. в России определялась эпилепсия⁸ – хрониче-

⁶ Неделько Н.Ф. Угличская трагедия (судебно-медицинские аспекты смерти царевича Дмитрия Ивановича) // Сибирский медицинский журнал. 2006 год, июнь. № 4. Т. 62. С. 90.

⁷ Таймасова Л. Трагедия в Угличе: Что произошло 15 мая 1591 года? М., 2006. С. 26.

⁸ Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1986. Вып. 11. С. 108-109, 176; М., 1988. Вып. 14. С. 120-121.

ское заболевание, которое возникает преимущественно в детском или юношеском возрасте и характеризуется разнообразными параксизмальными расстройствами, а также типичными изменениями личности, нередко достигающими выраженного слабоумия со специфическими клиническими чертами. На отдаленных этапах болезни могут возникать острые и затяжные психозы⁹.

Впервые понятие, означающее состояние человека, пораженного некой силой, появилось в трудах Авиценны (Абу Али ибн Сины) в IX в. Название болезни происходит от греч. ελι-λαμβάνω - занимать, охватывать, нападать, попадать, наткнуться на что-либо¹⁰. Латинскими эквивалентами этого понятия, под которыми это заболевание фигурирует в античных и средневековых источниках, являются morbus sacer, morbus divinus (священная болезнь), а также morbus lunaticus (лунная болезнь). Как известно, «священную болезнь» упоминали Гераклит и Геродот. В средневековой Европе эпилепсия именовалась также «болезнью св. Иоанна», который будто бы страдал этим недугом¹¹. В X-XI вв. появились понятия «падучий дьявол» и «падучая болезнь». В XIII в. в Европе распространилась точка зрения о том, что падучей можно заразиться через дыхание больного¹².

Заболевание царевича Дмитрия носило наследственный характер. Очень вероятно, что какой-то формой эпилепсии, сопровождавшейся выраженными изменениями личности, страдал отец Дмитрия царь Иван Грозный¹³.

⁹ Руководство по психиатрии в двух томах / Под ред. акад. АМН СССР А.В.Снежневского. М., 1983. Т. 2. С. 3.

¹⁰ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М., 1991. Стб. 495-496.

¹¹ Руководство по психиатрии... С. 3.

¹² Эпилепсия и судорожные состояния у детей... С. 17-18.

¹³ Ковалевский И.П. Иоанн Грозный и его душевное состояние. Психиатрические эскизы из истории. СПб., 1901; Глаголев Д.М. Душевная болезнь Иоанна Грозного // Русский архив. 1902. № 7; об эпилепсии Грозного прямо писала создатель его патографии крупный отечественный психиатр Н.Д.Лакосина.

Польский хронист Рейнгольд Гейденштейн оставил любопытное свидетельство о том, что старший сын Ивана IV царевич Иван Иванович перед смертью в 1581 г. пережил приступ эпилепсии, спровоцированный отцовским ударом «осном» (острием посоха) в висок: «или от удара, или от сильной душевной боли впал в падучую болезнь, потом в лихорадку, от которой и умер»¹⁴.

Умственно неполноценным был средний сын Ивана Грозного Федор. Английский посол в Россию Джильс Флетчер писал, что царь Федор Иванович «...росту малого, приземист и толстоват, телосложения слабого и склонен к водянке; нос у него ястребиный, поступь нетвердая от некоторой расслабленности в членах; он тяжел и недеятелен, но всегда улыбается, так что почти смеется... Он прост и слабоумен, но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, не имеет склонности к войне, мало способен к делам политическим и до крайности суеверен»¹⁵. По словам Петра Петрея, Федор был «от природы простоватый и тупоумный»¹⁶. Не имея охоты заниматься государственным управлением, царь Федор Иванович «находил свою отраду в образах и духовных делах, иногда бегал сам по церквам, благовестил и звонил в колокола»¹⁷. По словам того же Петрея, Иван Грозный нередко упрекал царевича в том, что «он больше походит на пономарского, чем на великокняжеского сына»¹⁸. Шведский король говорил о московском госу-

¹⁴ *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578-1582). СПб., 1889. С. 242.

¹⁵ *Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 122.

¹⁶ *Петр Петрей.* История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, вере и обрядах, которую собрал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // *Исаак Масса, Петр Петрей.* О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 271.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

даре, что русские называют его на своем языке словом «durak». Папский нунций Антонио Поссевино сообщал, что умственное ничтожество Федора граничит с идиотизмом. Согласно источникам, русскому царю с трудом давалось исполнение придворных церемоний, которые до крайности его утомляли¹⁹. «Черным недугом» (эпилепсией) болел дальний родственник Ивана Грозного князь Иван Михайлович Глинский²⁰, о котором Флетчер писал, что он «очень прост и почти полоумный»²¹. Младший брат царя Юрий (Георгий) Иванович мог страдать органическим поражением головного мозга, следствием которого была его глухонмота.

Все сыновья Ивана Грозного, не говоря о нем самом, отличались патологической жестокостью, чрезмерной религиозностью, мстительностью и злопамятностью, что свидетельствует о наличии специфических характерологических изменений личности, вероятно, либо в связи с наличием заболевания эпилепсией, либо в связи с предрасположенностью к ней. Иван IV рос исключительно злобным мальчишкой. Как известно, уже лет в 12 любимейшей его забавой было «бессловесных» (т.е. кошек и собак) «крови проливати», сбрасывая их с высоты. Чуть повзрослев, он переключился на людей: с ватагой сверстников носился верхом по московским площадям и рынкам, чтобы «...всенародных человек, мужей и жен бити и грабити». В 1543 г. Иван IV впервые вынес смертный приговор. По наущению Глинских он приказал своим псарям схватить и убить ненавистного князя Андрея Михайловича Шуйского. Великому князю в то время было всего 13 лет. Официальный летописец писал об этой казни верноподданнически льстиво: «И от тех мест начали бояре бояться, от государя страх имети и послушание». В сентябре 1545 г. 15-летний гос-

¹⁹ Подробнее об этом см.: *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов... С. 20.

²⁰ *Бычкова М.Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // *Записки Отдела рукописей.* М., 1977. Вып. 38. С. 123

²¹ *Флетчер Д.* О государстве Русском... С. 34, 65.

ударь уже приказывал отрезать язык Афанасию Бутурлину «за невежливое слово». Спустя год 16-летний монарх повелел отсечь головы своим бывшим любимцам – боярам Воронцовым и князю Ивану Кубенскому. С возрастом созерцание казней и пыток своих истинных и мнимых врагов стало доставлять Ивану IV истинное садистическое наслаждение²². Патологическая жестокость сочеталась в Грозном с исключительной религиозностью. Еще в юности он выучил наизусть множество библейских и евангельских текстов, заботился о сохранении порядка церковных служб и благоустройстве церкви. Считал себя наместником бога на земле и возглавлял монашеское «братство», истреблявшее «крамолу», сочинял церковные каноны, обличал монахов и одновременно составлял синодики для поминовения убитых по его приказу лиц.

Царевич Иван Иванович не уступал отцу ни сластолюбием, ни набожностью, ни гневливостью, ни исключительной жестокостью. Голландский купец Исаак Масса, составивший записки о России, писал: «Второй сын [Грозного]... был назван по отцу Иваном и по своей натуре и повадкам чрезвычайно походил на него, и можно было предполагать, что он превзойдет своего отца в жестокости, ибо всегда радовался, когда видел, что проливают кровь»²³. Царевич Иван Иванович наряду с отцом лично участвовал в опричных казнях, соперничая в изощренности и жестокости с профессиональными палачами (массовые казни 25 июля 1570 г. в Москве). Дикие забавы и кровавые потехи занимали и воображение слабоумного Федора Ивановича. Увлеченный ежеднев-

²² Свидетельства невероятной жестокости Ивана IV содержатся, например, в записках Петра Петрея: *Петр Петрей*. История о великом княжестве Московском... С. 238-263.

²³ *Исаак Масса*. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // *Исаак Масса, Петр Петрей*. О начале войн и смут ... С. 20.

ными длительными молитвами, еженедельно ездивший на богомолье и любящий колокольные звоны, он упивался кровавым зрелищем кулачного и медвежьего боя.

Чудовищный по своей необузданной жестокости нрав отца сызмальства проявился в царевиче Дмитрие. Так, Конрад Буссов писал: «...он однажды приказал своим товарищам по играм, молодым дворянским сынам, записать имена нескольких князей и вельмож и вылепить их фигуры из снега, после чего стал говорить: “Вот это пусть будет князь такой-то, это — боярин такой-то”, и так далее, “с этим я поступлю так-то, когда буду царем, а с этим эдак” — и с этими словами стал отрубать у одной снежной куклы голову, у другой руку, у третьей ногу, а четвертую даже проткнул насквозь. Это вызвало в них страх и опасения, что жестокостью он пойдет в отца, ужасавшего своим жестокосердием, Ивана Васильевича, и поэтому им хотелось, чтобы он уже лежал бы подле отца в могиле. Особенно же хотел этого правитель (а его снеговую фигуру царевич поставил первой в ряду и отсек ей голову), который подобно Ироду считал, что, как учит известная пословица: “Melius est praevenire quam praeveniri” (Лучше предупредить события, чем быть предупрежденным ими), — в этом деле мешкать нельзя; нужно вовремя обезвредить юношу, чтобы из него не вырос тиран»²⁴. О детских играх маленького Дмитрия, жестоких и оскорбительных для Бориса Годунова и его приближенных, вслед за Буссовым пространно говорит Петр Петрей²⁵. Авраамий Палицын передает слух, что Димитрий часто “в детских глумлениях глаголет и действует” оскорбительно в отношении окружения царя Бориса²⁶. Флетчер свидетельствует об удивительной для 6-7-летнего мальчика садистической

²⁴ Буссов К. Московская хроника. М.; Л., 1961. С. 80.

²⁵ Петр Петрей. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 272.

²⁶ Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и комментарии О.А.Державиной и Е.В. Колосовой, М.; Л., 1955. С. 102.

жестокости: «...младший брат царя, дитя лет шести или семи..., содержится в отдаленном месте от Москвы, под надзором матери и родственников из дома Нагих... Русские подтверждают, что он точно сын царя Ивана Васильевича, тем, что в молодых годах в нем начинают обнаруживаться все качества отца. Он (говорят) находит удовольствие в том, чтобы смотреть, как убивают овец и вообще домашний скот, видеть перерезанное горло, когда из него течет кровь (тогда как дети обыкновенно боятся этого), и бить палкою гусей и кур до тех пор, пока они не издохнут»²⁷. Безусловно, глумление маленького мальчика над вылепленными из снега фигурами Бориса Годунова и других вельмож, подогревалось и провоцировалось Нагими. Однако сам факт участия Дмитрия в игровой инсценировке казней вкупе со склонностью к жестокому обращению с животными и любовью к созерцанию крови говорит о том, что семена ненависти, которые Нагие сеяли в царевиче, попадали на благодатную почву. Ею была измененная недугом личность наследника.

Источники свидетельствуют, что заболевание проявилось у царевича Дмитрия еще в раннем детстве (едва ли не в младенчестве). Так, во включенных в Следственное дело показаниях губного старосты Ивана Муринова говорится, что «...пришла на него старая болезнь падучий недуг». Рассыльщики показали, что «...и презже тово ... на нем была ж та болезнь по месяцам безпрестанно». Авдотья Битяговская свидетельствовала, что «многажды бывало, как ево станет бити недуг...». В наказе приставу Роману Михайловичу Дурову, встречавшему литовского посланника Павла Волка весной 1592 г. говорилось: «А нечто учнут спрашивать о князе Углетцком, Дмитрее о углецком, каким обычаем его не стало, и Ратману мольги: Князь Дмитрея не стало судом божиим. А был болен черным недугом, таково на нем

²⁷ Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 21

было при роженье, еще с млада была на нем та болезнь» (курсив наш. – Л.С., П.Б.)²⁸.

Заболевание царевича также проявлялось в приступах помрачения сознания, когда он был особенно агрессивен по отношению к окружающим: «как на него болезнь придет, и царевича как станут держать, и он в те поры ест в нецвевень²⁹ за что попадется». Царевич «едал» в болезни руки у жильцов, постельниц, «боярнь» и был в беспамятстве; не помнил что делал и не мог отвечать за свои поступки. Поколел мать сваей³⁰, «кусал руки» у Андрея Нагого, а когда во время приступа кусал руки дочери Андрея, то «едва у него Ондреву дочь Нагова отнесли». Авдотья Битяговская показала, что «многожды бывало, как ево станет бити недуг и станут ево держати Ондрей Нагой и кормилица и боярони, и он им руки кусал или за что ухватит зубом, то отъест».

Эпилептические изменения личности возникают далеко не у всех больных эпилепсией. Чаще они наблюдаются у тех, кто заболел с раннего детства, страдал частыми припадками, мало и нерегулярно лечился. У больных обычно имеется склонность к дисфории (мрачное, угрюмое настроение), эксплозивность с застойностью аффекта, усиление влечений, сочетание злобной мстительности и злопамятности со слащавой сентиментальностью. У этих больных появляются мелочная аккуратность, скупость, недоверие к людям, властолюбие, тщательная забота о своих интересах в ущерб другим. Личностные изменения продолжают в сосредоточении интересов на собственной персоне, соблюдением ис-

²⁸ Подробнее об этом эпизоде см.: *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений... С. 166.

²⁹ «В нецевень» - т.е. в беспамятстве (см.: *Словарь русского языка XI-XVII вв.* Вып. 11. С. 346).

³⁰ Свая, свайка – большой толстый гвоздь или шип с утолщением (головкой), служащий для метания в лежащее на земле кольцо (см.: *Словарь русского языка XI-XVII вв.* М., 1996. Вып. 23. С. 101).

ключительно своих выгод. У больного эпилепсией падает способность усваивать абстрактные знания, быстро слабеет творческое воображение. При затруднении в умственной работе нарастает аффективное напряжение, становится все более трудно отличать существенное от второстепенного, постепенно беднеет запас слов, все больше страдает память (как кратковременная, так и долговременная), однако избирательно надолго запечатлевается и легко воспроизводится все, связанное с отрицательным аффектом. Поэтому больные эпилепсией люди не забывают самых мелких обид, невнимательного отношения к себе. Критическое отношение к своему состоянию утрачивается рано, заметно нарушается моторика, обнаруживается тяжеловесность, медлительность движений, неловкость, скупость жестов, бедность мимики, а также плохая дифференциация тонких движений (ручная неумелость). Больные эпилепсией не любят новых людей, смены обстановки, перемены занятий. Для них характерна фанатичная религиозность, которая дает себя знать беззаветной приверженностью к усвоенным идеалам, которые воспринимаются буквально, без учета ситуации и которые, с точки зрения больного, не подлежат никаким коррективам³¹.

Что же говорят источники о состоянии здоровья Дмитрия Угличского в день его гибели? В опубликованной в 1864 г. А.Ф. Бычковым «Повести об убиении благоверного царевича князя Димитрия Ивановича всеа Руси Углицкаго» содержится ряд бытовых деталей, не противоречащих данным Следственного дела и отсутствующих в других произведениях, посвященных гибели царевича. Бычков пришел к выводу, что «Повесть» была составлена «современником, бывшим близким ко двору царевича или имевшим знакомство с лицами, к нему принадлежавшими» и подчеркивал, что в «Повести» нет «ни одной черты, которая давала бы возможность запо-

³¹ Личко А.Е. Подростковая психиатрия: Руководство для врачей. Л., 1985. С. 385-386.

дозреть ее достоверность»³². В «Повести» говорится о гибели царевича «по повелению изменника злодея Бориса Годунова». Царевичевы «душегубцы» Никитка Качалов и Данилка Битяговский будто бы «кормилицу его палицею ушибли, и она обмертвев пала на землю, и ему государю царевичу в ту пору киняся перерезали горло ножом, а сами злодеи вскричали великим гласом».

Детально изучивший «Повесть» С.Ф.Платонов датировал ее временем не ранее 1606 г., обнаружил в ней ряд несообразностей и счел ее произведением мало достоверным, а потому не заслуживающим доверия как исторический источник³³. Соглашаясь с Платоновым в том, что описание сцены убийства в «Повести» лишено черт достоверности, мы, тем не менее, склонны думать, что содержащиеся в ней описание эпилептического припадка царевича в высшей степени достоверно и могло основываться на каких-то неизвестных или несохранившихся источниках, отражавших реальную картину заболевания Дмитрия Угличского.

По свидетельству Василисы Волоховой, сохранившемуся в Следственном деле, у царевича отмечались припадки за три дня до смерти (12 мая). Еще раньше – на Пасху и «в великое говенье» – царевич также пережил тяжелые приступы эпилепсии, зафиксированные источниками. Последняя серия припадков у царевича длилась несколько дней. Они начались во вторник, и только на третий день Дмитрию «маленько стало полегче». Согласно «Повести», 15 мая «...царевич по утру встал дряхл с постели и голова у него, государя, с плеч покатилося». Вероятно, при пробуждении ребенок перенес эпилептический припадок на фоне имеющейся у не-

³² Бычков А.Ф. Повесть об убиении царевича князя Дмитрия // ЧОИДР. М., 1864. Кн. 4: Смесь. С. 1-4. Здесь и далее текст «Повести» цитируется по этому изданию.

³³ Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913. С. 366.

го астении. О причинах астенического состояния царевича источники не дают оснований судить уверенно. Оно могло быть как следствием недоедания в Великий пост и возможного авитаминоза, так и проявлением его болезни. Несмотря на утреннюю слабость и припадок, он пошел с матерью к обедне и стоял со всеми службу в душном помещении, где горели свечи и источали тяжелый аромат благовония. К моменту гибели царевич всего один раз ел. Затем Мария Нагая отослала сына играть во двор «в тычку ножиком» с четырьмя сверстниками («с робятками жильцами») – сыновьями кормилицы и постельницы Петрушей Колобовым и Баженом Тучковым, а также Иваном Красенским и Гришей Козловским. Согласно «Повести», «...царевич пошел к обедне и после евангелия у старцев Кириллова монастыря образы принял, и после обедни пришел в свои хоромы, и платье переменял и в ту пору с кушаньем взошли и скатерть постлали и Богородицын хлебец священник вынул, и кушал царевич по единожды днем..., и после того похотел испити, и ему, государю, поднесли испити, и испивши, пошел с кормилицею погуляти...».

Итак, ярким солнечным днем, в жару, больной эпилепсией астенизированный мальчик, одетый в тяжелые великокняжеские одежды, выходит на улицу. В таких обстоятельствах естественно ожидать приступа, который не замедлил случиться. В руках у тяжело больного мальчика - «ножичек» для игры «в тычку». Эпилептики нередко наносят травмы себе и окружающим во время припадка. Способ, каким царевич 15 мая «на заднем дворе... тешился» с «робятками» был явно выбран неудачно, т.к. являлся очевидно опасным. Тот факт, что мать царевича отправила больного ребенка играть с ножом в руках, а его мамка, нянька и постельница спокойно наблюдали за этой игрой, пока не случилась трагедия, с позиций теперешнего исследователя выглядит, по меньшей мере, странным. Однако Р.Г.Скрынников объяснял такое поведение взрослых «привычками и нравами чванливой феодальной знати, никогда не расставав-

шейся с оружием»³⁴. Ученый пишет о том, что сабля и нож на бедре являлись признаком благородного происхождения их владельца, почему сыновья знатных персон в России были привычны к оружию с ранних лет³⁵. К этому можно только добавить, что в эпоху средневековья, когда не сформировались еще представления об особенностях детской психофизиологии, дети считались всего лишь взрослыми маленького роста. Соответственно они носили те же одежды и играли в те же игры, что и их взрослые современники, с той только разницей, что модели и того, и другого были иного (меньшего) размера. Не сформировались в России XVI в. и представления о том, что больному «падучей болезнью» нужен особый охранительный режим и не должны быть доступны колющие и режущие предметы. Привычное поведение заслонило здравый смысл. Поэтому нет ничего удивительного в доступности царевичу «ножичка» в период явного обострения его недуга.

Материалы Следственного дела содержат детали, позволяющие врачу-психиатру уверенно реконструировать обстоятельства гибели царевича Дмитрия Угличского. Непосредственные свидетели трагедии обратили внимание, что во время рокового приступа болезни, когда царевич «набрушился» горлом на нож, его «било долго». Это ключевые слова, необходимые для понимания картины происходившего. Василиса Волохова свидетельствовала: «...бросило его о землю, и тут царевич сам себя поколол в горло, и било его долго». Ей вторит Семейка Юдин: «бросило его о землю и било его долго». То же показывает Федор Огурец: «...тут его ударило о землю, и он, бьучись, ножом сам себя поколол». Согласно показаниям Марьи Самойловой, «...его бросило о землю, а у него был ножик в руках, и он тем ножиком сам покололся». То же сообщили четверо царицыных

³⁴ *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. С. 20, 71-72.

³⁵ *Скрынников Р.Г.* Лихолетье: Москва в XVI-XVII веках. М., 1988. С. 147-163.

детей боярских: «...и его де бросило о землю, и било его долго». Истопники свидетельствуют: «...и пришла на него старая болезнь падучий недуг, и его в те поры ударило о землю, и он на тот нож набрушился сам». Этим показаниям соответствуют слова губного старосты Ивана Муринова «...и в те поры пришла на него немочь падучая, зашибло его о землю и учало его бити и в те поры он покололся ножом по горлу сам». Русин Раков показывает: «...и в те поры на него пришла падучая немочь и зашибло... его о землю, и учало его бити» и т.д.

Безусловно, достаточно изученный историками механизм составления Следственного дела, а также специфика записи расспросных речей в XVI в. вносят определенные коррективы в достоверность этих показаний³⁶. Тем не менее, не останавливаясь сейчас на специфических проблемах источниковедения, еще раз заметим, что с точки зрения современной психиатрии материалы Следственного дела содержат высоко достоверные описания последнего приступа болезни царевича. Эти описания не оставляют сомнения, что смерть царевича наступила не в следствии обычного приступа эпилепсии, а в результате развившегося у него наиболее драматического состояния в эпилептологии – эпилептического статуса. Во время эпилептического статуса припадки следуют один за другим с очень короткими паузами («было его долго»), не восстанавливается сознание, значительно нарушено дыхание, нарушен гомеостаз и воз-

³⁶ См., например: *Веселовский С.Б.* Отзыв о труде В.К.Клейна «Угличское следственное дело о смерти царевича Димитри 15-го мая 1591 г.» // Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 156-189; *Богданов А.П.* Филиграноведение в современном исследовании: загадка дела о смерти царевича Дмитрия // *Богданов А.П.* Основы филиграноведения: История, теория, практика. М., 1999. С. 201-306.

никает непосредственная угроза жизни³⁷. Во время эпилептического статуса больные находятся в глубокой прострации. Характерными считаются бесконечно повторяющиеся тонические судороги с выраженным напряжением мышц и постепенно нарастающим цианозом, достигающим фиолетовой окраски кожи лица. Тонические судороги сменяются клоническими, во время которых слышно kloкочущее дыхание. Черты лица больного заостряются. Зрачки расширяются настолько резко, что возникает впечатление агонии больного. Пульс нитевидный, частый, прощупывается с трудом. Нарушения внешнего дыхания при эпилептическом статусе наиболее значительны. Они часто проявляются в виде ритмически повторяющихся циклов асфиксии, примерно в четверти случаев развивается окклюзия верхних дыхательных путей вследствие западения языка и свисания мягкого неба, утраты глоточного и кашлевого рефлексов и аспирации рвотных масс. Особенно часто наблюдается рвота при эпилептическом статусе у детей³⁸. Даже при современном состоянии неотложной медицинской помощи погибает каждый четвертый ребенок, переживающий состояние эпилептического статуса³⁹. Обычный приступ эпилепсии продолжается всего несколько минут и никак не может быть охарактеризован словами «било... долго».

Далеко не все допрошенные в ходе следствия лица дали показания об обстоятельствах гибели царевича Дмитрия. Подавляющее большинство не сообщило о характере (колотая, резаная, колото-резаная) и локализации раны царевича (на горле, на теле). Никто не указал, имеются ли следы крови на одежде и теле Дмитрия,

³⁷ См., например: *Кириллов В.А.* Эпилептический статус. М., 1974; *Он же.* Судорожный эпилептический статус. М., 2003.

³⁸ Эпилептический статус и другие судорожные состояния // Руководство для врачей скорой помощи / Под ред. *В.А.Михайловича.* Л., 1990. С. 491; см. также С. 492-493.

³⁹ Там же.

а также на одежде и руках других лиц, находившихся во время гибели мальчика рядом с ним. Никто не уточнил, каковы эти следы и как расположены. Уже одно это позволило бы сделать заключение о том, мог ли царевич ранить себя сам или смертельную рану ему нанес кто-то другой. Мы не знаем ни положения мертвого тела мальчика, ни то, как относительно туловища были расположены его руки, ни то, сжимал ли он, уже мертвый, свой ножичек или он был отброшен в сторону, воткнут в землю, оставался в ране и т.п. Наконец, нигде, ни в одном документе не говорится о том, что Следственная комиссия осмотрела тело царевича и удостоверилась в том, что он погиб именно от ножевого ранения (например, в горло). Более того, Нагие особо позаботился о том, чтобы укрыть тело царевича от посторонних глаз под предлогом «чтоб хто царевича тела не украл».

Версию о насильственной гибели царевича озвучили, в первую очередь, Нагие. Об убийстве сына сразу же закричала Мария Нагая, что показали непосредственные свидетели гибели царевича. Вслед за этим Василиса показала, что царица с братом распорядились убить «душегубцев»: «...и царица, де, Марья и Михаило Нагой велели убить Михаила Битяговского и Михайлова сына, и Микиту Качалова, и Данила Третьякова. А говорила, де, царица миру: то, де, душегубцы царевичю».

То, что царица наравне с братьями инициировала избивание «злодеев», приказав ударить в набат, показал пономарь Федор Огурец («и как прибежал к церкви к Спасу и к [не]му встречу бежит Кормового дворца стряпчеи Субота Протопопов, и велел ему у Спаса в колокол звонити, да ударил ево в шею и велел ему силно звонити, а говорил ему Субота перед Григорьем Нагим, а сказал, что ему велела звонить царица Марья, и он потому и звонил в колокол»). О расправе над Осипом Волоховым на глазах царицы поведал следственной комиссии архимандрит Феодорит: «А Осипа Волохова привели при них, при нем, при архимарите при Феодорите, и при игумене Саватее, к церкви Спасу перед царицу, тол-

ко чуть жива, и тут ево перед царицею прибили до смерти». Царица не остановила и глумление над Авдотьей Битяговской и ее дочерьми. Напротив, она как будто жаждала крови: «А Михайлову жену Битяговского з двумя дочерми привели тут же к Спасу и хотели их побити ж, и он, архимарит Феодорит и игумен Саватеи, ухватили Михайлову жену Битяговского з дочерми и отняли их, и убити их не дали. И посадцкие люди Михайлову жену и дочереи держали у Спаса».

Михаил Нагой в своих распросных речах рассказал следующее: «ззвонили в городе у Спаса в колокол, а он, Михайло, в те поры был у себя на подворье и чаял он того, что горит... бежал он к царевичу на двор, а царевича зарезали». Показания Андрея Александровича Нагого в отношении насильственной смерти Дмитрия менее определены: «царевич ходил на заднем дворе и тешился с робяты, играл через черту ножом, и закричали на дворе, что царевича не стало, и збежала царица сверху; а он, Ондреи, в те поры сидел у ествы и прибежал туто ж к царице, а царевич лежит у кормилицы на руках мертв; а сказывают, что его зарезали, а он тово не видал, хто его зарезал».

Григорий Нагой сразу же после трагедии как будто поддержал версию об убийстве царевича. Именно он сменил царицу, уставшую бить Василису Волохову, принявшись орудовать поленом: «и царица, де, велела ее тем же поленом бити по боком Григорью Нагово». Однако на следствии Григорий Федорович ничтоже сумняшеса показал, что царевич погиб в результате несчастного случая: «...поехали они, Михайло, брат ево, да он, Григореи, к себе на подворье обедать; и только они пришли на подворье, ажно ззвонили в колокола, и они чаели, что загорелося, и прибежали на двор, ажно царевич Дмитриеи лежит, набрушился сам ножем в падучеи болезни».

Достаточно уклончиво, не поддержав прямо ни версию о самозаклании, ни версию об убийстве царевича, высказался на следствии духовник Григория Нагого поп Богдан: «сказали, что царевича Дмитрея не стало». Игумен Алексеевского монастыря Савватий сообщил,

что «слуги... сказали, што царевич Дмитрие зарезан, а тово не ведают, хто его зарезал». Воскресенский архимандрит Феодорит показал то же самое: «слуги..., пришотчи, сказали, что они слышали от посадцких людей и от посошных, что будто се царевича Дмитрея убили, а того неведомо, хто его убил»⁴⁰.

Обращает на себя внимание тот факт, что в материалах Следственного дела нигде не называется имя Бориса Годунова. А.А.Зимин предполагал, что не отличавшийся смелостью князь Василий Шуйский не решился упомянуть всесильного правителя даже в форме опровержения его причастности к убийству, хотя среди сторонников версии о насильственной гибели Дмитрия наверняка были лица, убежденные в прямой заинтересованности в этом царского шурина⁴¹.

Среди материалов дела есть показания лиц, ничего не сказавших об обстоятельствах гибели царевича Дмитрия: поп Степан, холоп Михаила Нагого Бориска Афанасьев, стряпчий Суббота Протопопов, пищик дьяка Михаила Битяговского Степанка Корякин, конюх Данилка Григорьев, сторож Дьячей избы Евдоким Михайлов и «добрые» посадские люди.

Только трое⁴² (Василиса Волохова, Иван Муринов, Михаил Григорьев) уточнили, что царевич погиб, по-

⁴⁰ *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений... С. 162-163.

⁴¹ Там же. С. 163.

⁴² А не «все очевидцы гибели Дмитрия», как утверждал Р.Г.Скрынников (см.: *Скрынников Р.Г.* Россия накануне Смутного времени. С. 81). Важно заметить, что из этих троих могла непосредственно наблюдать картину смерти царевича только Василиса Волохова. В момент смерти рядом с царевичем были три взрослые женщины (мамка, кормилица и постельница) и четверо маленьких «жильцов» - сверстников царевича. Стряпчий Семейка Юдин мог видеть случившееся из окна. Таким образом, из восьми непосредственных свидетелей драмы о ранении горла сообщил только один – мамка Василиса Волохова (см. также: *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен... С. 98). Нельзя не заметить, что жильцы Василису в своих показаниях

лоснув себя по горлу («сам себя поколол в горло», «он покололся ножом по горлу сам», «он себя поколол сам в горло»). Большинство свидетелей и участников трагедии показали, что Дмитрий умер, напоровшись на нож («набросился на нож», «ножом покололся», «бьючися, ножом сам себя поколол», «накололся ножом сам», «покололся ножом сам», «накололся ножом в черной болезни», «себя поколол ножом сам», «на нож сам накололся», «и он тою сваею, которою играл, покололся», «и он накололся»). При этом неясно, в какой момент было получено роковое ранение: во время конвульсий, когда царевич «бился» на земле, или «летячи» – при падении.

Известно, что крупнейший детский эпилептолог профессор Р.А. Харитонов, консультировавший эксперта-криминалиста И.Ф. Крылова по вопросам, связанным с гибелью царевича, вынес следующее заключение: «...царевич Дмитрий страдал эпилепсией с психомоторными и генерализованными судорожными припадками. Описываемые картины припадков⁴³ соответствуют действительности. Царевич не мог сам зарезать себя ножом ни во время малого припадка, ни во время психомоторного припадка. Царевич нанести себе повреждения сам не мог, так как во время большого припадка больной всегда выпускает из рук предметы, находящиеся в руках»⁴⁴.

не упомянули, заявив, что на дворе с царевичем были «только они, четыре человека жильцов, да кормилица, да постелница». Причина «забывчивости» жильцов не ясна. Подробнее об этом см.: *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений... С. 157-158. Кроме того, очевидно, что показания жильцов записаны в некоем обобщенном пересказе, скрывшем детали наблюдаемой мальчиками трагедии (см.: *Полосин И.И.* Социально-политическая история... С. 230, 237; ср.: *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений... С. 158).

⁴³ Имеются в виду описания припадков царевича в Следственном деле, с которыми проф. Р.А.Харитонova ознакомил И.Ф.Крылов. – *Л.С., П.Б.*

⁴⁴ *Крылов И.Ф.* Были и легенды криминалистики. Л., 1987. 216 с

Пытаясь найти выход из весьма затруднительного положения, в которое поставило судебно-медицинского эксперта заключение профессора Харитонов, И.Ф.Крылов предложил свою версию развития угличской драмы. Он предположил, что царевич был непреднамеренно убит неосторожно брошенным кем-то из «рбятков» ножом во время игры⁴⁵.

Еще одну версию гибели Дмитрия высказал Ю.А. Молин. Он считал, что царевич случайно напоролся на нож, который во время игры в «тычку» уже был брошен кем-то из мальчиков (т.е. не находился у Дмитрия в руке) и воткнулся в землю рукоятью так, что острое его было обращено вверх. Упав во время припадка, царевич напоролся на него горлом и погиб. Впрочем, Молин считал весьма вероятным и другое: царевич все-таки «самозаклался», поскольку нож, который он держал в руке во время игры, не обязательно должен был выпасть в первые десятки секунд приступа. Только во второй фазе большого эпилептического припадка – фазе клонических судорог – мышцы расслабляются и из рук выпадают прежде зажатые в них предметы. Этим нескольким десяткам секунд первой фазы припадка – фазы тонических судорог - вполне было достаточно, чтобы царевич ударил себя по горлу⁴⁶.

Поскольку о ранении в горло прямо говорит непосредственная участница и свидетельница гибели мальчика Василиса Волохова, сомневаться в том, что нож пришелся по горлу, как будто не приходится. Однако была ли эта рана смертельной? Если при ножевом ранении горла повреждается сонная артерия, или яремная вена, или нерв, ведущий к сердцу (сосудисто-нервный пучок), смерть наступает мгновенно от остановки сердца или в считанные минуты после повреждения крупных сосудов. Неизбежна мгновенная фатальная кровопотеря. Обращает на себя внимание, что упоминаний крови и описания

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *Молин Ю.А.* Тайны гибели великих. СПб., 1997. 304 с

фонтанирующего кровотечения, которое невозможно не заметить и вряд ли можно забыть, ни в одном источнике (и прежде всего – в Следственном деле) нет. Возможно образование пульсирующей гематомы внутри шеи, которая, постепенно увеличиваясь, сдавливает сосуды и трахею, и вызывает гипоксию головного мозга и смерть. Но и в этом случае ребенка не могло «бить долго», а это значит, что смерть царевича наступила не в результате ножевого ранения шеи*, а от эпилептического статуса. Иными словами, как бы не рассматривать трагедию в Угличе 15 мая 1591 г. – как следствие злонамеренных действий рвущегося к власти Бориса Годунова (смерть царевича не была ему невыгодна!), или как несчастный случай и «самозаклание», – ясно, что гибель царевича произошла не в результате «самозаклания» и не в результате ранения его в шею мнимыми или явными преступниками. Царевича убила его болезнь.

Косвенно о том, что царевич погиб вследствие эпилептического статуса, свидетельствует поведение взрослых женщин (мамки Василисы Волоховой, кормилицы Арины Тучковой и постельницы Марьи Колобовой), сопровождавших его на прогулке, и матери – царицы Марии Нагой. Материалы Следственного дела не дают твердых оснований заключить, в какой момент трагедии возле царевича оказалась его мать: когда царевич уже умер, или когда находился в агонии (напомним, что больной, переживающий эпилептический статус, внешне не отличим от агонизирующего). Состояние царевича было настолько тяжелым, а проявления болезни незабываемо и необычно страшными, что бывшие при нем мамка, кормилица и постельница не только не сумели, но, испугавшись, и не попытались оказать ему никакой помощи. Такое поведение взрослых в момент гибели царевича вызывало недоумение историков. Н.И. Косто-

* Благодарим за консультацию о ранениях шеи и их последствиях хирурга высшей квалификационной категории, к.м.н. П.С.Глушкова (Центральная клиническая больница РАН).

маров, например, видел в этом странном поведении мамки, няньки и постельницы косвенное свидетельство тому, что гибель мальчика не была случайной, и что он был убит: «Спрашивается, как бы ни были просты женщины, окружавшие ребенка, но возможно ли предположить, чтоб они все были до такой степени глупы, чтобы после всего того, что царевич уже делал, давали ему играть с ножом? И неужели мать, которую он ранил, не приняла мер, чтобы у мальчика не было в руках ножа? Допустим, однако, что несчастный больной царевич был предоставлен на попечение таких дур, каких только можно было, как будто нарочно, подобрать со всей Московской земли. Способ его самоубийства чересчур странный. Он играет в тычку с детьми, с ним делается припадок; судя по тому, как он кусал девочке руки, бросался на жильцов и постельниц и даже ранил мать сваею, надобно было ожидать, что царевич ударит ножом кого-нибудь из игравших с ним детей, - нет, он сам себя хватил по горлу!»⁴⁷. Материалы Следственного дела позволяют судить о том, что прежде, когда у царевича случались припадки, его хотя бы пытались «держать», чтобы предупредить нанесение им травм себе и окружающим «в нецывень» («...многожды бывало, как ево станет бити недуг и станут ево держати...»), «...как на него болезнь придет, и царевича как станут держать...»). В день трагедии у кормилицы Арины Тучковой только и хватило сил, что взять его, умирающего или уже умершего, на руки. Впрочем, как уже говорилось, больному ребенку в состоянии эпилептического статуса нередко нельзя помочь даже в условиях современной медицины. В XVI в. сделать это было совершенно невозможно.

Подведем итоги. 1) Царевич Дмитрий страдал эпилепсией с генерализованными судорожными припадками и их эквивалентами, выражавшимися в помрачении сознания (сумеречное сознание) и агрессивном по-

⁴⁷ Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. М., 1990. Кн. 1. С. 61.

ведении по отношению к окружающим. 2) Смерть царевича Дмитрия наступила, по-видимому, в результате серии непрекращающихся эпилептических припадков (эпилептического статуса). 3) Во время непрекращающихся эпилептических припадков царевич Дмитрий мог получить рану в горло, которая, однако, вряд ли была смертельной. 4) В источниках отсутствуют сведения о том, что в отношении царевича Дмитрия предпринимались какие-либо меры медицинского характера, способные смягчить проявления его заболевания (в лучшем случае его «держали» и оттаскивали от других во время приступа). Не исключено приглашение к нему ведунов и ведуний в наиболее острые периоды болезни (Андрюшки Мочалова, «жоночки уродливой» и др.), которые не лечили его, а только «портили». Косвенно это говорит о тяжести течения его болезни, которая практически ничем не купировалась, быстро прогрессировала и не давала надежды на сколько-нибудь стойкую ремиссию. Царевич Дмитрий был обречен.

2. Джером Горсей о событиях мая-июня 1591 г. в Угличе и в Москве *

...Архангел Михайло,
создай ты мне с небеси свой золот ключ,
а булатен замок – замкнути ми
у всякого ведуна и у ведуньи кожаны губы,
а костяны зубы, и всякое в нем лихое лихорадество,
хто станет на меня... лихо думати и меня портити.
(*Заговор от порчи, из рукописи XVII в.*⁴⁸)

Гибель Дмитрия Угличского обросла домыслами и слухами. Версия о злодейском убийстве, выдвинутая

* Сердечно благодарим С.М. Каштанова, внесшего в наше исследование исправления редакционного характера и оказавшего авторам неоценимую помощь в уточнении перевода и интерпретации исследуемого фрагмента «Записок» Дж. Горсея.

⁴⁸ Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 184.

Нагими, получила продолжение немедленно. Видимо, еще до приезда в Углич комиссии Шуйского (т.е. ок. 19 мая) распространился слух, что мать погибшего – вдовая царица Мария Федоровна – находится при смерти. Единственным достоверным описанием состояния Марии Нагой после гибели сына оказались записки английского дипломата Джерома Горсея (Jerome Horsey). В них говорится, что брат царицы Афанасий Нагой («*empress' brother*») среди ночи примчался в Ярославль и постучался в ворота Английского двора – резиденции прибывавших в Россию англичан. Именно там находился в это время Джером Горсей, высланный из Москвы из-за ссоры с дьяком Андреем Щелкаловым. Сообщив, что «царевич Дмитрий мертв», Нагой утверждал, что «...царица отравлена и при смерти, у нее вылезают волосы, ногти, слезает кожа»⁴⁹ («*The Tsarevich Dmitrii is dead; [...] and the empress poisoned and upon point of death, her hair and nails and skin falls off*»⁵⁰). Он умолял Горсея о помощи и

⁴⁹ Здесь и далее за основу перевода записок Дж. Горсея на русский язык взят перевод А.А.Севастьяновой: *Горсей Д.* Записки о России. XVI – начало XVII в. / Пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М., 1990. Напомним, что «Записки» Горсея переведены А.А. Севастьяновой по изданию 1856 г., а фрагмент о ночном визите Нагого в Ярославль – по изданию 1626 г.: *Горсей Д.* Записки. С. 44, примеч. 67, см.: Там же. С. 130. Об изданиях и переводах «Записок» Дж. Горсея, а также о причинах обращения к фрагменту о ночном визите по изданию 1626 г. см.: [Севастьянова А.А.] Предисловие: Джером Горсей и его сочинения о России // *Горсей Д.* Записки. С. 5–46, особенно С. 28. Перевод А.А.Севастьяновой известия Горсея о визите Афанасия Нагого был нами исправлен и уточнен. Все случаи несогласия авторов настоящей статьи с переводом А.А. Севастьяновой и уточнения этого перевода оговариваются в примечаниях. Цитирование Горсея по нашему переводу также оговаривается специально.

⁵⁰ Здесь и далее английский текст «Записок» Дж. Горсея воспроизводится по изданию: Rude & Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of Sixteenth Century English Voyagers / Ed. by

просил дать ему «какое-нибудь средство» («help and give some good thing») для несчастной матери царевича⁵¹.

Приведем это свидетельство Горсея по изданию Л. Берри и Р. Крамми: «...The emperor and council would have me remove for a while to Iaroslavl', 250 miles thence. Many other things passed not worth the writing, sometimes cheerful messages, sometimes fearful. God did miraculously preserve me. But one night I commended my soul to God above other, thinking verily the time of my end was come. One rapped at my gate at midnight. I was well furnished with pistols and weapons. I and my servants, some fifteen, went with these weapons to the gate. "O my good friend, Jerome, ennobled, let me speak with you". I saw by moonshine empress' brother, Afanasii Nagoi⁵², the late widow empress, mother to the young prince Dmitrii, who were placed but twenty-five miles thence at Uglich. "The Tsarevich Dmitrii is dead; his throat was cut about the sixth hour by the d'iaki; some one of his pages confessed upon the rack by Boris his setting on; and the empress poisoned and upon point of death, her hair and nails and skin falls off; help and give some good thing for the passion of Christ his sake". "Alas! I have nothing worth the sending". I durst not open my gates. I ran up, fetched a little bottle of pure salad oil (that little vial of balsam that the queen gave me) and a box of Venice treacle. "Here is what I have! I pray God it may do her good". Gave it over the wall, who hied him post away. Immediately the watchmen in the streets raised the town and told how the Prince Dmitrii was slain. Some four days before, the suburbs of the Moscow was set on fire and twelve thousand houses burned. Boris his guard had the spoil, and four or five soldiers suborned, desperate fellows hired to endure the rack, confessed, and so was published that the Tsarevich Dmitrii, his mother the empress, and the

L.E. Berry, R.O. Crummey. Madison, Vilwaukee and London, 1968. P. 357–359.

⁵¹ Rude & Barbarous Kingdom. P. 357.

⁵² В издании 1626 г.: Alphonassy Nagoie.

Nagois their family, had hired them to kill the emperor and Boris Fedorovich and set the Moscow on fire. This was so published to move the peoples' hearts to hatred against the prince, his mother, and family. But it was too gross a falsehood and abhorred of all men in general, as God did not long after recompense and revenge with as fearful and palpable an example, to show that he is just in all his doings and turns the wicked devices and devilish practices of men to open shame and confusion. The bishop of Krutitsa was sent, accompanied with five hundred gunners and divers noblemen and gentlemen, to bury this Prince Dmitrii under the high altar in St. John's, I take it, in Uglich. Little did they think at that time that this Dmitrii's ghost should in so short a time be stirred up to the dissolution of Boris Fedorovich and all his family. The sick, poisoned empress was presently to be shorn a nun to save her soul by sequestering her life, made dead to the world, all her allies, brothers, uncles, and friends, officers and servants, dispersed in displeasure to divers secret dens not to see light again»⁵³ («...Царь и совет отослали меня на время в Ярославль, за 250 миль отсюда»⁵⁴. Много других происшествий случилось со мной, их вряд ли стоит описывать. Известия, которые доходили до меня, были иногда приятны, иногда ужасны. Бог чудом сохранил меня. Но однажды ночью я предал свою душу богу, думая, что час мой пробил. Кто-то застучал в мои ворота в полночь. У меня в запасе было много пистолетов и другого оружия. Я и мои пятнадцать слуг пошли к воротам с этим оружием.

– Добрый друг мой, благородный Джером, мне нужно говорить с тобой.

⁵³ Rude & Barbarous Kingdom. P. 357–359.

⁵⁴ В переводе А.А.Севастьяновой «за 250 миль», что неточно. У Горсея «250 miles thence», т.е. «за 250 миль отсюда» (т.е. от Москвы). Под «милью» Горсей, видимо, подразумевал «версту», ибо в милях это расстояние равняется 159, а в верстах – 240 (см.: Rude & Barbarous Kingdom. P. 357. Note 4).

Я увидел при свете луны Афанасия Нагого, брата бывшей (покойной?) вдовствующей царицы⁵⁵, матери юного царевича Дмитрия, находившегося в 25 милях от меня в Угличе.

– Царевич Дмитрий мертв, сын дьяка, один из его слуг, перерезал ему горло около шести часов; [он] признался на пытке, что его послал Борис; царица отравлена и при смерти, у нее вылезают волосы, ногти, слезает кожа; именем Христа заклинаю тебя, помоги мне, дай какое-нибудь средство!

– Увы! У меня нет ничего действенного.

Я не отважился открыть ворота, вбежав в дом, схватил банку с чистым прованским маслом (ту небольшую склянку с бальзамом, что дала мне королева) и корбочку венецианского териака.

– Это все, что у меня есть. Дай бог, чтобы ей это помогло.

Я отдал все через забор, и он ускакал прочь. Сразу же город был разбужен караульными, рассказавшими, как был убит царевич Дмитрий, а четырьмя днями раньше были подожжены окраины Москвы и сгорело двенадцать тысяч домов. Стража Бориса занималась мародерством [после пожара], а четверо или пятеро подкупленных солдат, отъявленных мерзавцев (парней), нанятых для перенесения пытки, признались⁵⁶, и было

⁵⁵В переводе А.А.Севастьяновой «вдовствующей царицы», тогда как у Горсея Мария Нагая определяется как «the late widow empress». Это свидетельствует о том, что Горсей писал или по крайней мере редактировал эту часть своих «Записок» после 20 июня 1612 г., когда Мария Нагая (в иночестве Марфа) уже умерла и могла быть названа «бывшей (т.е. покойной) вдовствующей царицей».

⁵⁶Перевод А.А. Севастьяновой неточен: «Страж Бориса захватил добычу, но четверо или пятеро подкупленных солдат (жалкие люди!) признались на пытке, и было объявлено, будто бы царевич Дмитрий» (см. у Горсея: «Boris his guard had the spoil, and four or five soldiers suborned, desperat fellows hired to

объявлено, будто бы царевич Дмитрий, его мать царица и весь род Нагих наняли их для того, чтобы убить царя и Бориса Федоровича⁵⁷ и сжечь Москву. Все это объявили народу, чтобы разжечь ненависть против царевича, его матери и их семьи. Но эта гнусная клевета вызвала только страшное отвращение у всех. Бог вскоре послал расплату за все это, столь ужасную, что стало очевидно, как он, пребывая в делах людских, направляет людские злодейства к изобличению. Епископ Крутицкий был послан с 500 стрельцами, а также с многочисленной знатью и дворянами для погребения царевича Дмитрия в алтаре св. Иоанна (как мне кажется) в Угличе. Вряд ли все думали в то время, что тень Дмитрия явится так скоро и приведет к гибели Бориса Федоровича и всей его семьи⁵⁸. Больную, отравленную царицу вскоре постригли в монахини, чтобы спасти ее душу путем изоляции ее от (светской) жизни, и она умерла для света, а все ее приверженцы, братья, дядя, друзья, чиновники и слуги были разбросаны в опале по разным тайным темницам, дабы не увидели вновь божьего света»⁵⁹).

endure the rack, confessed, and so was published that the Tsarevich Dmitrii...»).

⁵⁷ Перевод А.А. Севастьяновой неточен: «...его мать царица и весь род Нагих подкупили их убить царя и Бориса Федоровича» (см. у Горсея: «...and so was published that the Tsarevich Dmitrii, his mother the empress, and the Nagois their family, had hired them to kill the emperor and Boris Fedorovich...»).

⁵⁸ Перевод А.А. Севастьяновой неточен: «Вряд ли все думали в то время, что тень убитого царевича явится так скоро и погубит весь род Бориса Федоровича» (см. у Горсея: «Little did they think at that time that this Dmitrii's ghost should in so short a time be stirred up to the dissolution of Boris Fedorovich and all his family»).

⁵⁹ Перевод А.А. Севастьяновой неточен: «Больную, отравленную царицу постригли в монахини, принося ее светскую жизнь в жертву спасения души, она умерла для света. Все ее родственники, братья, дяди, приверженцы, слуги и чиновники были разбросаны в опале по разным секретным темницам, осужденные не увидеть больше божьего света» (см. у Горсея:

Обычно свидетельство о ночном визите Нагого в Ярославль рассматривается историками в связи с изучением разных версий гибели царевича Дмитрия и, в первую очередь, в связи с вопросом о причастности к этому Бориса Годунова, будто бы подославшего к нему убийц. Наиболее подробно этот фрагмент «Записок» Горсея был исследован Морин Перри (1980). Перри анализирует все свидетельства Горсея о гибели царевича Дмитрия в Угличе. Сопоставив тексты изданий Горсея 1626 и 1856 гг. с рукописью «Записок» в той их части, где описывается ночной визит Нагого, Перри предложила новое прочтение этого фрагмента. Вместо оборота «его горло перерезано дьяками... один из его слуг признался на пытке...», Перри читает «его горло перерезано... сыном дьяка, одним из его слуг: [он] признался на пытке...». Исследовательница пришла к выводу о том, что в изложении обстоятельств гибели царевича «Записки» Горсея не противоречат русским источникам и, в частности, Следственному делу, в которых убийцей наследника назван сын государева дьяка Михаила Битяговского Данила⁶⁰.

Вместе с тем в качестве источника, содержащего сведения о болезни Марии Нагой после событий 15 мая 1591 г., «Записки» Горсея ранее систематически не изучались. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел и посвящена анализу записанного Горсеем сообщения об отравлении царицы, полученного им вскоре после трагедии 15 мая. Поскольку зафиксированное Горсеем свидетельство содержит специфические сведения медицинского характера («...отравлена, ...вылезают

«The sick, poisoned empress was presently to be shorn a nun to save her soul by sequestering her life, made dead to the world, all her allies, brothers, uncles, and friends, officers and servants, dispersed in displeasure to divers secret dens not to see light again»).

⁶⁰ *Perrie M.* Jerome Horsey's Account of the Events of May 1591 // *Oxford Slavonic Papers*. 1980. Vol. 8. P. 38–39.

волосы, ногти, слезает кожа»), статья писалась историком в соавторстве с практикующим врачом.

Как известно, «Запискам» Джерома Горсея свойственна хронологическая многослойность. Горсей не раз возвращался к написанному, подвергая его редактированию и доработке. Окончательно его записки были отредактированы уже в XVII в. Тогда же подверглись корректировке (или были заново написаны) заметки о гибели царевича Дмитрия и о ночном визите в Ярославль Нагого. Во всяком случае, эти заметки завершаются фразой, имеющей важное датирующее значение: «Little did they think at that time that this Dmitrii's ghost should in so short a time be stirred up to the dissolution of Boris Fedorovich and all his family» («Вряд ли все думали в то время, что тень Дмитрия явится так скоро и приведет к гибели Бориса Федоровича и всей его семьи»⁶¹). Из этой фразы следует, что Джером Горсей писал о событиях в Угличе (1591 г.), уже зная о смерти Бориса Годунова, о гибели его сына Федора и появлении Лжедмитрия I (1605 г.). Он даже знал о смерти Марии Нагой, т.к. назвал ее «late» (ум. в 1612 г.). Иными словами, даже если ночной визит Нагого «на немецкий двор английских немцев» в Ярославле действительно состоялся, его описание подверглось переработке.

Однако сохранилось и другое известие Горсея об обстоятельствах смерти царевича Дмитрия. Оно содержится в его письме лорду-казначею Уильяму Сесилу (William Cecil, 1st Baron Burghley). Письмо было написано буквально по горячим следам, а именно 10 июня 1591 г. (т.е. спустя всего 26 дней после трагедии): «19-го числа... случилось величайшее несчастье: юный князь 9-ти лет... был жестоко и изменнически убит; его горло было перерезано в присутствии его дорогой матери, императрицы; случились еще многие столь же необыкновенные дела, которые я не осмелюсь описать не столько потому, что это утомительно, сколько из-за того, что это

⁶¹ Перевод наш. – Л.С., П.Б.

неприятно и опасно»⁶². Обращает на себя внимание ошибочная дата: днем гибели малолетнего царевича Горсей называет не 15, а 19 мая. В «Записках» Горсей пишет о волнениях, вспыхнувших «четырьмя днями раньше», т.е. как раз 15 мая, правда, не в Угличе, а на окраинах Москвы. 19 мая в Углич прибыла Следственная комиссия. Она еще только готовилась начать работу, итоги следствия были неизвестны, убитая горем царица переживала тяжелое психическое расстройство – реактивную депрессию, у нее выпадали волосы, слезали ногти и тело покрылось экземой. От кого узнали в Ярославле о гибели царевича, неясно. На основании «Записок» Горсея можно подумать, что первым вестником был «брат» царицы «Афанасий Нагой», постучавшийся в ворота Горсея, вероятно, 19 мая 1581 г. Но весть о прибытии в Углич Следственной комиссии мог привезти в Ярославль и кто-то другой.

Проявления болезни Марии Нагой, воспринятые ее родственниками как признаки отравления, зафиксированы Горсеем со слов Нагого, по-видимому, довольно точно. Они хорошо известны медикам. Однако свидетельствуют они о том, что вовсе не яд, а острая психическая травма стала причиной такого ее состояния. С позиций современной психиатрии, реакцией на острую психическую травму (в данном случае – гибель ребенка) могут стать выпадение волос и появление нервной экземы (у Марии Нагой «слезает кожа»)⁶³. Лицо, руки, ноги, все туловище покрывается

⁶² [Севастьянова А.А.] Письма Джерома Горсея // *Горсей Д. Записки*. С. 227–244, особенно С. 233. Первую публикацию писем в русском переводе см.: *Лурье Я.С.* Письма Джерома Горсея // Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. Серия историч. наук. Л., 1941. Вып. 8. № 73. С. 199–201.

⁶³ *Тополянский В.Д., Струковская М.В.* Психосоматические расстройства (руководство для врачей). М., 1986. С. 261–267. Наряду с экземой в роли соматических эквивалентов чрезмерных эмоциональных перегрузок могут выступать зуд, рециди-

пузырьками, которые вскрываются и оставляют после себя сочащуюся прозрачную жидкость. Заболевание начинается обычно с лица и кистей рук и постепенно распространяется по всему кожному покрову. Кожа непрерывно зудит, интенсивно краснеет, мокнет. Постепенно на ней образуются чешуйки и корочки. Она шелушится и кажется, что «слезает». Больной непрерывно чешет зудящую кожу, от чего она «слезает» еще сильнее, расчесывает себя в кровь. Появляются трещины, кожа делается очень сухой. Течение этого заболевания может осложниться присоединением инфекции, и тогда на коже образуются пустулы (гнойные пузырьки) и гнойные корки. Зуд непрерывно усиливается, он невыносим, мешает спать, не дает покоя. Невротическая реакция организма при этом только усиливается. Остро начавшаяся экзема постепенно приобретает хроническое течение, которое может тянуться годами.

Кожные дериваты – ногти и волосы – в качестве реакции на психотравму «вылезают» не сразу и начинают страдать по прошествии нескольких (обычно 1–2) дней⁶⁴. Стало быть, ночной визит Нагого к Горсею состоялся не в ночь трагедии, а спустя несколько дней после нее. Вероятно, это произошло между воскресеньем 16 мая и вторником 19 мая, когда Нагие в обстановке крайнего нервного напряжения и страха ожидали следственной комиссии из Москвы.

вирующая крапивница, псориаз и красный плоский лишай, а также нейродермит (Там же. С. 261),

⁶⁴ *Тополянский В.Д., Струковская М.В.* Психосоматические расстройства. С. 262. Кожная симптоматика и спровоцированная ею психогения могут усиливать расстройства настроения, связанные с собственно психотравмирующим воздействием, в данном случае – внезапной гибелью ребенка (*Смулевич А.Б.* Депрессии при соматических и психических заболеваниях. М., 2003. С. 151–154; *Смулевич А.Б., Иванов О.Л., Львов А.Н., Дороженко И.Ю.* Психодерматология: Современное состояние проблемы // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2004. № 11. С. 4–13).

Нередко на фоне аффективных расстройств происходит постепенное, а иногда и чрезвычайно быстрое обесцвечивание волос. Кроме того, волосы становятся тусклыми, безжизненными как старый парик, легко обламываются и секутся, свисают прямыми прядями. Возможно развитие диффузного, очагового и тотального облысения⁶⁵. Ногтевые пластинки становятся шероховатыми, бугристыми, исчерчиваются продольными и (чаще) поперечными полосами, отличаются повышенной ломкостью в продольном направлении. На ногтях образуются трещины, по ходу которых возможно расщепление, расслоение и отпадение кусочков ногтя. Патологический процесс развивается быстро, захватывает многие ногти, при этом дистрофические нарушения имеют одну и ту же степень развития⁶⁶.

Какие-то из перечисленных симптомов поражения кожи и ее дериватов после психической травмы наблюдали у царицы ее родственники. Нагой довольно точно описал эти симптомы Горсею, зафиксировавшему их (тоже весьма точно) в обороте: «...the empress poisoned and upon point of death, her hair and nails and skin falls off...». Мария Нагая, скорее всего, в это время слегла, была равнодушна к происходящему, и у ее окружения сложилось полное впечатление, что она отравлена и находится при смерти. Именно эту, казавшуюся в тот момент такой правдоподобной, версию: убийства царевича и покушения на убийство его матери, и излагал Горсею Нагой, умолявший англичанина дать ему некое чудодейственное средство для царицы, о котором был, видимо, наслышан.

«Средством», которое Горсей выдал Нагому, оказалась банка с чистым прованским маслом (англичанин писал о «небольшой склянке с бальзамом, которую дала... королева» [«a little bottle of pure salad oil (that little vial of balsam that the queen gave me)»]) и коробочка венецианского териака («a box of Venice treacle»). Прован-

⁶⁵ *Тополянский В.Д., Струковская М.В.* Психосоматические расстройства. С. 262.

⁶⁶ Там же. С. 263.

ское масло вряд ли облегчило страдания царицы. Поскольку окружение Марии Нагой считало, что ее отравили, вероятнее всего, что масло из «склянки» Горсея ей давали перорально, как бальзам, предлагая его пить какими-то небольшими дозами. Возможно, учитывая состояние ее кожи, масло использовали как мазь и покрывали им больную кожу царицы. Если масло, принятое внутрь, не могло ни помочь, ни навредить несчастной, то использованное в виде мази то же масло было способно только усугубить ее положение и вызвать инфекцию (масло – питательная среда для микробов). А вот венецианский териак Горсея мог, пусть и не сразу, заметно облегчить страдания больной. Териаком (или териакком Андромаха, греч. *θηριον*, лат. *Electuarium theriacale*, *Theriacsa*) называлось мнимое универсальное противоядие, которое будто бы излечивало все без исключения отравления⁶⁷. Слово «териак» восходит к персидскому «каугет» *کاوگت* – «опиум». Первый териак, согласно легенде, был изобретен царем Митридатом VI Евпатором (126–64 гг. до н. э.). Постоянно опасаясь быть отравленным, Митридат VI ставил опыты на преступниках и будто бы создал некое универсальное противоядие, названное по его имени «митридациумом». Митридациум настолько обезопасил организм царя от ядов, что когда возникла опасность попасть в римский плен, царь вынужден был заколоться мечом, ибо все известные яды не причиняли ему вреда. Победитель Митридата Помпей Великий, ворвавшись в его дворец, якобы в первую очередь дал приказ разыскать чудодейственный митридациум⁶⁸.

⁶⁷ Подробнее см.: *Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales* Sous la direction d'A. Dechambre et L. Lereboullet. Paris, 1887. Т. XVII. P. 172–175; *Nicolas Lémery. Pharmacopée universelle*. Nyon, J.-T. Hérisant, 1764. Т. II. P. 685–688; *Семеновченко В. Ф.* Хроника фармации. М., 2007. С. 162, 242, 429.

⁶⁸ См.: ru.wikipedia.org **Териак** и особенно: [http://www.gumer.info/bibliotek Buks/History/berg/ob_opasn.php](http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/History/berg/ob_opasn.php)

В Риме териак был впервые составлен врачом императора Нерона Андромахом Старшим (отсюда его другое название – териак Андромаха). Именно Андромах будто бы изменил название снадобья на «териак» или «митридациум-териак». Считается, что именно это средство принимала мать Нерона Агриппина из опасения быть отравленной сыном. Клавдий Гален (131–201 гг.) также интересовался териакком. Его рецепты изготовления универсального противоядия оставались в силе до начала XIII в. Териакком пользовали своих больных медики арабского Востока. Согласно легендарному преданию, халиф Мотавекким во время пиршеств подвергал своих гостей укусам змеи и затем излечивал их териакком⁶⁹.

Готовый териак представлял из себя мягкую темно-серую пасту, по консистенции похожую на мед. Со временем смесь затвердевала, ее резали на куски и изготавливали пастилки. Эти пастилки и употребляли в качестве лечебного средства. Иногда из пастилок териака готовили микстуру (одна часть териака на шесть частей коньячного спирта). Поскольку териак использовали в качестве снадобья от всех разновидностей ядов и при любых отравлениях, считалось, что чем сложнее его состав, тем действеннее лекарство. Поэтому средневековые медики непрерывно совершенствовали рецептуру териака, вводя в его состав все большее число ингредиентов. Известно, например, что нюрнбергский териак состоял из 65 ингредиентов, а французский териак XVI–XVII веков – из 71. Бывало, что количество частей в составе териакков доходило до ста. Впрочем, иногда териак вымешивали буквально из того, что оказывалось у аптекаря под рукой. Крупнейшими центрами изготовления териакков в средние века считались Константинополь, Каир, Генуя и Венеция. Именно венецианский териак, или «трикл» уже в XIII в. окончательно затмил своих

Сердечно благодарим Е.Б. Бергер за указание на эту свою публикацию.

⁶⁹ Там же.

соперников и снискал славу наиболее действенного противоядия⁷⁰. В багаже Джерома Горсея именно он впервые, как кажется, прибыл в Россию⁷¹ и был использован в лечении царицы Марии Нагой.

Изучение сохранившихся от эпохи средневековья рецептов териака оставляет впечатление, что универсальное противоядие составлялось таким образом, чтобы наряду с необязательными компонентами (истолченная змеиная и бобровая кожа, шампиньоны, ладан, чечевица и др.) в его состав обязательно входили такие тра-

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Териак приготавливали в аптеках России вплоть до 1917 г. К этому времени его официальная рецептура («пропись») включала в себя всего 9 компонентов (т.е. значительно меньше, чем в средневековой Европе и значительно меньше, чем должно было быть в венецианском териакe Горсея): “Rhiz. Angelicae p. 6,0, Rhiz. Serpentariae, p. 3,0, Rhiz. Valerianae p. 2,0, Bulbi Scillae p. 2,0, Rhiz. Zedoariae p. 2,0, Cort. Cinnamomi p. 2,0, Ferr. sulfur, p. 1,0, Myrrhae, p. 1,0, Mel. depur, p. 75,0” (см.: Териак // Большая медицинская энциклопедия, онлайн версия: <http://bigmeden.ru/article/>). Как видно из «прописи», такой териак состоял из 6 частей корня дягиля (Rhizus Angelicae radix), 3-х частей корня серпентария (Rhizus Serpentariae), 2-х частей корня валерианы (Rhizus Valerianae), 2-х частей морского лука (Bulbi Scillae), 2-х частей цитварного корня (Rhizus Zedoariae), 2-х частей коры коричневого дерева (Cortex Cinnamomi), 1-й части сульфата железа, 1-й части мирры (Myrrhae), 75 частей очищенного меда (Mellis depur). Обращает на себя внимание, что в состав позднего «русского» териака важнейший компонент средневековых териakov – опий – уже не входил. Да и сам териак, судя по его составу, утратил свои свойства «универсального противоядия» и был показан при заболеваниях желудочно-кишечного тракта, связанных с недостаточным сокоотделением, спастическими болями и вторичной железодефицитной анемией. Кроме того, его могли применять при истощении нервной системы в качестве седативного средства. Этот териак обладал также противовосполительным и мочегонным действиями и мог купировать болевой синдром.

вы и вещества, которые оказывали 1) послабляющее (цветы черной бузины, фенхель, кора крушины, тмин, кориандр, анис, тысячелистник, корень солодки, корень алтея), 2) мочегонное (корень петрушки, шиповник, кудреватый дягиль, анис, можжевельник, мята, шалфей, эвкалипт и др.), 3) противовоспалительное (ромашка), 4) успокаивающее (мята, пустырник, валериана, зверобой) и даже 5) наркотическое (опий) действие. Иными словами, в состав териakov входили вещества, имевшие разностороннее фармакологическое действие. Если иметь в виду, что териак мыслился именно как противоядие, то очищение кишечника, стимуляция деятельности желудочно-кишечного тракта и почек могли привести к определенному терапевтическому эффекту. Териак Горсея неизбежно должен был активизировать экскреторную систему больной, способствовать выведению из ее организма избытка воды, соли, продуктов обмена веществ, а также ядов.

Обращает на себя внимание, что в состав венецианского териака, которым пользовали Марию Нагую, как и в состав любого из средневековых териakov, непременно входили корень валерианы (*Valeriana officinalis*), зверобой (*Hypericum perforatum*) и опиаты. Валериана традиционно использовалась и как противоядие, и как действенное успокоительное. Она должна была несколько смягчить ощущение тревоги, которая, несомненно мучила Марию Нагую. Зверобой был довольно сильным антидепрессантом, который мог ослабить проявления душевной тоски царицы. Опием и опиатами с древнейших времен врачи пользовали своих больных для снятия у них болевого синдрома. Это наркотическое вещество, безусловно, могло облегчить и мучения Марии Нагой, испытывавшей постоянный кожный зуд и боль. Впрочем, корень валерианы при длительном его применении мог несколько усугубить депрессию, а вот для хорошего клинического эффекта зверобой (как антидепрессант растительного происхождения) нужно было принимать не менее двух недель.

Необратимость утраты и связанные с этим тяжелые, драматические переживания вызывают у человека психическое расстройство, которое в современной медицине называется реактивной депрессией (от лат. *depressio* подавленность) или реактивным психозом. Это состояние характеризуется подавленным настроением в течение длительного времени (от двух недель и более), упадком сил, потерей интереса к жизни. Обычно такое состояние усугубляется чувством вины, тревоги и страха, неспособностью концентрироваться и принимать решения, наличием навязчивых мыслей о смерти и даже самоубийстве, нарушениями сна, ощущений жжения в груди и других симптомов соматического заболевания (например, появлением экземы, выпадением волос и др.). Состояние реактивного психоза может характеризоваться не только депрессией, но и наличием стабильных бредовых идей, связанных с психотравмирующей ситуацией, а также галлюцинациями⁷². То, что после гибели единственного сына царица переживала тяжелейшую реактивную депрессию, сомнений не вызывает. На это указывают не только известие Джерома Горсея, но и материалы Следственного дела, позволяющие реконструировать ее поведение и состояние в момент трагедии и в течение нескольких дней после нее.

Вероятно, состояние царицы определялось не только реактивной депрессией. Не исключено, что следствием пережитой Марией Нагой внезапной острой психической травмы стали бредовые идеи отношения и преследования, сопровождавшиеся выраженными страхом и тревогой, чем объясняется ее дальнейшее поведение. Согласно Следственному делу, она, как только увидела сына мертвым, принялась что есть силы избивать Василису Волохову: «и царица Марья убежала на двор и по-

⁷² Руководство по психиатрии. В двух томах / Под ред. А.В. Снежневского. М., 1983. Т. 2. С. 366–386; Психиатрия: Справочник практического врача / Под ред. А.Г. Гофмана. М., 2006. С. 300–311.

чала ее, Василису, царица Марья бити сама поленом, и голову ей пробила во многих местех»⁷³. Избивая Волохову, царица выкрикивала обвинения и назвала имена предполагаемых убийц, «будто се сын ее, Василисин, Осип с Михайловым сыном Битяговского, да Микита Качалов царевича Дмитрея зарезали». Стоны и крики Василисы Волоховой, умолявшей царицу «дати сыск праведной», поскольку «сын ее [Волоховой] и на дворе не бывал», не возымели эффекта. Царица обезумела от душевной боли и продолжала избивать Волохову до тех пор, пока силы не покинули ее. Тогда за полено ухватился брат царицы Григорий Нагой, которому безутешная мать «велела ее [Василису] тем же поленом бити по боком». Василису избили до полусмерти, и «чють живу покинули замертва».

С позиций современной психиатрии такое поведение царицы можно трактовать как проявление реактивной тотальной ажитации, которая возникает по типу короткого замыкания, продолжается считанные минуты и на высоте которой сужается сознание⁷⁴. В избиении Волоховой следует видеть неукротимую гомицидную реакцию ярости, которая несла в себе отзвук древней реакции защиты детей от надвигающейся опасности⁷⁵. Вероятно, у Марии Нагой начал развиваться реактивный паранойд: избивая Волохову, она расправлялась с матерью предполагаемого убийцы, которого, согласно материалам Следственного дела, даже не было в момент трагедии на территории дворца.

Однако царица не могла успокоиться. Колокольный звон привлек на место трагедии «многих людей посадцких и всяких людей». Мария Нагая велела схватить Василису («взяти посадцким людем»), и обесчестить ее: «мужики... взяли и ее ободрали, и простоволосу ее держали перед ца-

⁷³ Здесь и далее материалы Угличского следственного дела цитируются по подлиннику (РГАДА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1).

⁷⁴ *Портнов А.А.* Общая психопатология. М., 2004. С. 233.

⁷⁵ Там же. С. 232.

рицею». Такие действия царицы, безусловно, оглушенной горем, пахивали садистической жестокостью: к физическим мучениям своей жертвы Мария Нагая добавила глубокие нравственные страдания.

Затем царица в сопровождении своего двоюродного дяди Андрея Александровича Нагого проследовала в церковь св. Спаса. Мертвого царевича Андрей Нагой нес на руках. Однако бредовые идеи, захлестнувшие Марию Нагую, все еще руководили ее сознанием. Царица жаждала крови. Возле церкви на ее глазах убили Осипа Волохова: «а Осипа Волохова привели к царице в верх, к церкви к Спасу, и тут ево перед царицею убили до смерти».

Спустя два дня после гибели сына Нагая вспомнила и повелела разыскать («добыть») «жоночку уродливую», которая жила у Михаила Битяговского и иногда «для потехи» была звана к царице. Ее обвинили в том, что она «будтос(ь)... ц(а)р(е)вича портила». Мария Нагая распорядилась «ее убить ж». Царица все еще судорожно продолжала искать виноватых. Казнь юрודивой была исключительно жестокой: «жоночку Михайлову, розстреляв, в воду посадили». Обращает на себя внимание тот факт, что юрודивую Михаила Битяговского казнили подобно тому, как в Германии XVI в. казнили женщин, уличенных в изготовлении ядов (сначала пытали, затем топили)⁷⁶.

Возле мертвого тела сына царица находилась несколько дней (по крайней мере – до приезда комиссии Шуйского)⁷⁷. Видимо, тогда наступила следующая ста-

⁷⁶ *Панова Т.* Средневековая Русь: Яды как средство сведения счетов // Наука и жизнь. 2006. № 8. С. 115.

⁷⁷ Как известно, Нагие опасались кражи мертвого тела царевича. Григорий Нагой показал на допросе, что он вынужден был заботиться «...чтоб хто царевича тела не украл». Та же мысль отчетливо прослеживается в распросных речах Андрея Александровича Нагого, что «...он был у царевича тела безотступно, и тело... царевичево внес в церковь». Впрочем, эти показания связаны с объяснениями обстоятельств побития ули-

дия депрессивного расстройства Марии Нагой – стадия внутреннего принятия трагедии. Царица постепенно если не смирилась с происшедшим, то приняла его как совершившийся факт. Мария Нагая должна была неминуемо слечь, испытывать глубочайшую тоску, апатию к происходящему и мало реагировать на внешние раздражители. У нее стали выпадать волосы и слезать кожа, а спустя еще какое-то время – и ногти. Ее тело покрылось зудящей мокнувшей коркой, которую она постоянно расчесывала. В этот момент окружение царицы и должно было прийти к заключению, что она отравлена и при смерти. Один из Нагих поспешил на Английский двор в Ярославле к Джерому Горсею в надежде получить у него противоядие для царицы.

Териак Горсея принес некоторое облегчение страданиям Марии Нагой, но она все еще была очень плоха: депрессия делала свое дело. Сил царицы хватило, по видимому, только на то, чтобы присутствовать на допросах Тучковой и Колобовой. Больше царицу не трогали. Своих показаний Следственной комиссии она, как известно, не давала. В день отъезда комиссии она призвала к себе митрополита Геласия, и вручила ему свое «челобитье». Было ли оно продиктовано ею самой, или составлено от ее имени Нагими – неизвестно. Весьма вероятно, что родственники Марии Нагой каким-то образом участвовали в его составлении. После неблагоприятного для них решения о том, что царевич закололся сам («царевичю Дмитрею смерть учинилась Божьим судом»), царицыно «челобитье» было для Нагих последней надеждой облегчить свою участь.

Положение Марии Нагой изначально было незавидным и не могло не наложить отпечаток на ее личность. Выйдя замуж в 1580 г. совсем юной (вряд ли ей было больше 16–18 лет), она, тем не менее, скоро наску-

чан, когда первые четыре дня после кончины наследника (15 мая) до приезда Следственной комиссии (вечер 19 мая) Углич был фактически в руках Нагих.

чила 50-летнему царю (стала «не угодна ему»). Иван Грозный не испытывал к Нагой особенной привязанности, а сама его женитьба на ней – шестой или седьмой по счету супруге – не могла считаться законной (церковь признавала каноническими не более трех браков⁷⁸).

⁷⁸ Согласно 50-му правилу Василия Великого, даже третий брак является нарушением церковных канонов: «...на троебрачие нет закона». Самому Ивану Грозному после смерти первых трех жен (Анастасии Романовны, Марии Темрюковны и Марфы Собакиной) для заключения четвертого брака – с Анной Алексеевной Колтовской – потребовалось специальное решение церковного собора. Услужливое согласие церкви на четвертый брак (правда, при условии покаяния царя и наложения на него епитимии – «ради его теплого умиления и покаяния») было получено после того, как Иван Грозный пояснил, что из-за болезни и скоропостижной смерти Марфы Собакиной он не успел вступить с ней в подлинные супружеские отношения. Как известно, Анна Колтовская вскоре была насильственно пострижена в монахини, а царь женился на Анне Григорьевне Васильчиковой. Однако Васильчикова вскоре скончалась, и супругой царя стала вдова Василиса Мелентьева («женище»). Этот брак Ивана Грозного вряд ли был церковным. В русских источниках, содержащих поименное перечисление жен Ивана Грозного, о Василисе Мелентьевой не говорится. Исключение составляет Хронограф XVII в. (ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 194, 229). Имя Василисы не упоминается даже тогда, когда сообщается не о шести, а о семи браках Грозного. В записках иностранцев глухо сказано, что русский царь был женат семь раз (см., например: *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан. Береловича, В.Д. Назарова, П.Ю. Уварова. М., 2007. С. 123; *Масса Исаак.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 29; *Петрей Петр.* История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и об-

Свою последнюю супругу Иван Грозный выбрал из ближайшего окружения, составлявшего государев Двор: Мария Нагая была дочерью окольного Федора Федоровича Нагого (Федца). Грозному ее сосватал Афанасий Федорович Нагой, родной дядя будущей царицы. Согласно Горсею, царь женился на Нагой, дабы успокоить наследника, бояр и свое ближайшее окружение, взволнованных слухами о его готовящемся бегстве в Англию: «...Сам он не сумел сохранить дело в тайне, и вскоре его старший сын царевич Иван, и его любимцы и бояре узнали об этом. Заметив это, царь решил успокоить их и женился снова, на пятой⁷⁹ жене, дочери Федора Нагого, очень красивой девушке из знатного и великого рода, от нее родился его третий сын по имени Дмитрий Иванович»⁸⁰. Это известие Горсея о мотивах, которыми царь руководствовался, вступая в свой последний брак, косвенно свидетельствует о прохладном отношении царя к жене и о том, что безразличие Ивана Грозного к Марии Нагой не было загадкой для современников.

Свадьба Ивана IV и Марии Нагой состоялась вскоре после ухода Стефана Батория из Великих Лук и была обставлена весьма скромно, не по царскому чину. На ней гуляли наиболее близкие Ивану Грозному лица из состава государева Двора. Посаженным отцом («в отца место») был царевич Федор Иванович, а «тысяцким» – царевич Иван Иванович. На свадьбе присутство-

народовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // О начале войн и смут в Московии. С. 270). После смерти Василисы Мелентьевой седьмой женой государя стала Мария Нагая (см.: *Зимин А.А.* В канун. С. 86; *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. М., 1989. С. 133–134). Семен Иванович Шаховской называет Марию Нагую шестой женой Ивана Грозного (РИБ. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 847).

⁷⁹ Здесь у Горсея Мария Нагая названа именно пятой (а не шестой или седьмой) женой Ивана Грозного «...Married again the fifth wife, the daughter of Fedor Nagoi...» (*Rude & Barbarous Kingdom...* P. 286).

⁸⁰ *Горсей Д.* Записки. С. 68-69.

вали также думные дворяне Михаил Андреевич Безнин и Игнатий Петрович Татищев. В сохранившемся свадебном разряде Ирина Годунова – жена царевича Федора – упомянута, а вторая жена царевича Ивана Феодосия Михайловна Соловая⁸¹ – нет (в 1579 г. она была пострижена за бездетность под именем Пелагеи (Параскевы, Прасковьи) и удалена в монастырь)⁸².

В последние годы жизни Иван Грозный оказался одержим идеей породниться с английской правящей династией и перебраться в Англию. Потерпев неудачу в сватовстве к королеве Елизавете Английской, он сделал попытку жениться на племяннице королевы – Марии Гастингс⁸³. Почувствовать себя женихом Ивану Грозному вовсе не помешал тот факт, что на момент сватовства Мария Нагая была беременна (январь – октябрь 1582 г.). О потенциальной английской невесте царь узнал от придворного лекаря – англичанина Роберта Якоби (Романа Елизарьевича). Как только 25 ноября 1581 г. новый лейб-медик прибыл в Москву, царь Иван поручил главе Аптекарского приказа Богдану Яковлевичу Бельскому, дьяку Андрею Яковлевичу Щелкалову и Афанасию Федоровичу Нагому (дяде царицы и ее недавнему свату) расспросить Якоби о Марии Гастингс. Весной 1582 г. в Лондон был отправлен посол Федор Андреевич Писемский, которому поручили переговоры с английской ко-

⁸¹ Как известно, Иван Иванович был женат трижды. Первая его жена, дочь боярина Богдана Юрьевича Сабурова, была пострижена в Суздальский Покровский монастырь 4 ноября 1571 г. Третья его жена (с 1580 г.) – Елена, дочь боярина Ивана Васильевича Шереметева Меньшова, овдовев, получила в кормление-вотчину Лух (*Зимин А.А.* В канун. С. 91, 265, примеч. 36).

⁸² Там же.

⁸³ Подробнее об истории этого сватовства и последовавших за ним событиях см., например: *Зимин А.А.* В канун. С. 95–97; *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. С. 145–146; *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2006. С. 436–437; *Морозова Л.Е., Морозов Б.Н.* Иван Грозный и его жены. М., 2005. С. 244–250.

ролевой о женитьбе русского царя на ее племяннице, о заключении военного союза и о приглашении в Россию мастеров и ратных людей из Англии. Удивительно, но и рождение царевича Дмитрия (19 октября 1582 г.) как препятствие к новому супружескому союзу Иван Грозный не рассматривал.

Жалея племянницу, королева отвечала свату, что та «не красна лицом» и к тому же нездорова. Пообещав после выздоровления Марии Гастинс прислать царствующему жениху ее «парсон», Елизавета Английская фактически уклонилась от прямого ответа. В 1584 г. предложение русского царя было окончательно отклонено со ссылкой на нездоровье невесты и ее несогласие переметить вероисповедание⁸⁴.

Отказ не охладил жениховский пыл царя Ивана, который грозился, захватив казну, приехать в Англию и жениться на какой-нибудь другой «племяннице» королевы, если та все-таки не пришлет ему невесту в Россию добровольно⁸⁵. Однако 18 марта 1584 г. после очередного приступа болезни, случившегося с ним во время игры в шахматы, Иван Грозный умер, так и не разведясь с Марией Нагой и не женившись на англичанке.

Согласно летописным данным, после смерти Ивана Грозного в 1584 г. «у бояр было меж собою сметенье великое». Новый летописец, составленный около 1630 г., безусловно на основании более ранних источников сообщил о том, что в ночь смерти Грозного Борис Годунов «с своими советники возложи измену на Нагих и их поимаху и даша их за приставы»⁸⁶. Участь Нагих решалась всей Думой: они были потенциально опасны действующей власти возможными политическими авантюрами в пользу малолетнего царевича Дмитрия. Нагие были не одиноки: та же участь постигла и других, «коих жаловал царь Иван». «Изменники» были разосланы по

⁸⁴ См., например: *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. С. 145–146.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 232, 195; Там же. Т. 14. СПб., 1910. С. 35.

дальним городам, кто-то заключен в темницу. Их дома подверглись разорению, а поместья и вотчины розданы новым владельцам.

Коронация Федора Ивановича состоялась 31 мая 1584 г. Царевич Дмитрий с матерью и родней был отправлен в Углич, определенный Иваном Грозным младшему сыну в удел. В Угличе при царице Марии состояли отец Федор Федорович (ум. ок. 1590 г.), двоюродный дядя Андрей Александрович и братья Михаил и Григорий Федоровичи. Ссылке подверглись двое⁸⁷ сыновей Александра Михайловича Нагого: Андрей оказался в Арске, Михаил (до того – воевода в Казани) был отправлен в Кокшайск, а затем в Уфу, Афанасий – в Новосиль. Их троюродный брат Иван Григорьевич находился в Кузьмодемьянском остроге, а затем в новопостроенном городе на Лозьве. Оттуда он был переведен в Казань; в дальнейшем, его ждала новая опала и вологодская тюрьма. Дядя царицы Семен Федорович Нагой вместе с сыном Иваном Семеновичем служил в Васильсурске, еще один дядя – Афанасий Федорович – был сослан в Ярославль⁸⁸.

Нагие, попавшие в опалу вскоре после смерти Ивана Грозного, высланные из Москвы и удаленные от трона, не могли не думать о грозящих попытках устранения царевича Дмитрия. Ведь в случае смерти царя Федора Ивановича бездетным (а так оно и вышло), Дмитрий оказался бы единственным законным претендентом на российский престол. Он пользовался титулом царевича и был офици-

⁸⁷ Предположение А.А.Зимины об отправке в Арск Андрея Александровича Нагого (*Зимин А.А.* В канун. С. 111) основано на более поздних данных (1599-1602 гг.), см.: Разрядные книги 1598-1638 гг. М., 1974. С. 86 (7107 г.), 98 (7108 г.), 117 (7109 г.), 133 (7110 г.). В 1580-х годах в Арске были другие воеводы: голова Гаврила Щекин (Щепин), князь Андрей Куракин (Разрядные книги 1475-1598 гг. М., 1966. С. 340, 348, 378, 390). Что касается Андрея Александровича, то в 1591 г. он находился не в Арске, а в Угличе.

⁸⁸ *Зимин А.А.* В канун. С. 111.

альным наследником, пока у его брата Федора не было детей⁸⁹. Флетчер прямо писал, что жизнь царевича находилась «в опасности от покушений тех, которые простирают свои виды на обладание престолом в случае бездетной смерти царя». То, что Дмитрий был рожден от неканонического брака своего отца, вряд ли бы стало ему препятствием на пути к трону. Напомним, что когда под его именем объявился Лжедмитрий I и заявил свои права на престол, никто и не вспомнил, от какого по счету брака Ивана Грозного – шестого или седьмого – был рожден царевич. Это просто не имело тогда значения.

Тем не менее, Мария Нагая с самого своего вступления в брак жила в непрерывном страхе за свою судьбу, постоянно думая о своем хрупком статусе и сомнительном положении седьмой жены царя – венчанной, но вряд ли законной. Ощущение нестабильности и постоянно грозящей опасности, ожидание гнева венценосного супруга, за которым последуют развод и, в лучшем случае, насильственное пострижение в монахини и ссылка в отдаленный монастырь, не могли не сделать ее тревожной, подозрительной и мнительной. Жизнь, словно испытывая ее на прочность, то возносила ее, то буквально вышибала почву из-под ног. Мария Нагая неизменно оказывалась в положении человека, севшего не в свои сани, и живущего в ожидании, что ей на это непременно укажут, причем самым унижительным для нее способом, так, что пострадают не только ее положение и без того

⁸⁹ В связи с этим интересно наблюдение С.М. Каштанова над интитуляцией царских грамот, в которых с осени 1591 г. (т.е. сразу после гибели царевича Дмитрия) рядом с именем царя Федора Ивановича появляется имя царицы Ирины, сестры Бориса Годунова. Каштанов полагает, что новая интитуляция могла быть «заблаговременным заявлением претензий новой династии» и косвенно свидетельствует о причастности Годунова к гибели Дмитрия Угличского. – См.: *Каштанов С.М. Дипломатика как специальная историческая дисциплина* // ВИ. М., 1965. № 1. С. 43–44.

сомнительный статус, но и самая жизнь. Мария Нагая постоянно оказывалась инструментом в чьих-то руках и была заложницей чужих замыслов. С ее помощью родной дядя – царский сват – протаптывал дорогу к высокому положению Нагих у трона. Тот же дядя Афанасий Федорович был ввязан в matrimониальные планы Грозного в Англии. Она с трепетом ждала своей беременности – надежды на рождение наследника и, в связи с этим, стабилизации своего статуса. Мария с ужасом осознавала, что ее сын не вызывает интереса у венценосного отца (последние месяцы беременности Нагой и рождение царевича Дмитрия пришлось на пик сватовства царя к Марии Гастингс). Смерть мужа и последовавшая за ней опала Нагих, восшествие на престол пасынка – Федора Ивановича, ссылка в Углич и надежды Нагих подобраться к трону в случае смерти нового царя бездетным делали ее жизнь исключительно драматичной и наполненной тревогой. Положение нелюбимой и едва ли не отвергнутой жены должно было сформировать у нее заниженную самооценку. Эта молодая и красивая женщина, скорее всего, была унылой и дисфоричной. Вероятно, постоянная борьба за существование и сознание зависимости от своего единственного, маленького и очень больного ребенка, плюс честолюбивые планы ее родственников Нагих – все это способствовало формированию устойчиво-стереотипного поведения. Она неизменно приспособливалась свою жизнь к новым обстоятельствам, принимая их как веление судьбы.

Душный воздух постоянных страхов, бессилия и злобного недовольства Нагих своим положением в Угличе при фактическом правителе – государевом дьяке Михаиле Битяговском – подпитывался тревогой за жизнь царевича. Слухи о готовящемся убийстве наследника, его матери и других Нагих щекотали нервы и расплзались по стране, оседали в сознании, фиксировались иностранцами. Так, в опубликованном впервые в 1591 г. труде английского дипломата и поэта Джильса Флетчера (Giles Fletcher) о России говорилось следующее: «Младший брат

царя, шести или семи лет... содержится в отдаленном месте от Москвы, под надзором матери и родственников из дома Нагих, но в опасности, как я слышал, из-за попыток устранить его путем заговора тех, кто простирает свои помыслы на трон, если царь умрет без потомства»⁹⁰. Позднее эта же версия о готовившемся убийстве царевича Дмитрия и его матери была повторена Горсеем.

Способ убийства наследника и вдовой царицы у Горсея сомнений не вызывал, и он прямо писал о будто бы готовящемся отравлении: «Был также раскрыт заговор с целью отравить и убрать молодого князя, третьего сына прежнего царя, Дмитрия, его мать и всех родственников, приверженцев и друзей, содержащихся под строгим присмотром в отдаленном месте у Углича»⁹¹.

В средние века и новое время отравление было одним из излюбленных способов устранения политических соперников. Безусловно эффективное, наименее заметное и почти безопасное для боящегося быть уличенным злоумышленника, оно (в зависимости от избранного отравителем яда) могло действовать мгновенно или же, в случае методичного применения ядовитого вещества в малых дозах, вызывало необратимую смерть не сразу⁹², а в ре-

⁹⁰ Цит. по: [Севастьянова А.А.] Комментарии // Горсей Д. Записки. С. 199, примеч. 191.

⁹¹ Горсей Д. Записки. С. 107.

⁹² В древности и средневековье отравители чаще всего пользовались мышьяком, точнее – триоксидом мышьяка, который надолго вытеснил другие яды: белый порошок, незаметно подмешанный в пищу или напиток, не изменял их вкуса и сам не имел ни вкуса, ни запаха. Иными словами, обнаружить мышьяк в еде было практически невозможно. Именно поэтому, боясь отравления, прибегали к практике пробы кушанья другим человеком или животным (собакой). Специалистам в области судебной медицины известно, что большая доза мышьяка убивает сразу, тогда как введение мышьяка в пищу малыми дозами приводит к смерти при явлениях гастроэнтерита. Сомнений в естественной смерти в таком случае не возникало, а определять наличие токсинов в теле умершего еще не умели.

зультате накопления токсичных веществ в организме⁹³. Обращает на себя внимание тот факт, что в ходе рассле-

Отравители пользовались также сернистыми соединениями мышьяка, сурьмой, ярь-медянкой (окись меди) и др. Из ядов животного происхождения наиболее употребимыми были порошки из шпанской мухи, жабы, желчи гадюки и др. В средние века нередко прибегали и к использованию ядовитых растений (белая акация, бузина, жимолость обыкновенная, ландыш майский, лютик, плющ, наперстянка, белена черная, белладонна, волчье лыко, дурман обыкновенный и др., всего ок. 700 видов растений) и грибов. Подробнее см.: *Панов И.Е.* Отечественная судебная медицина с древности до наших дней. М., 2011. С. 90–91, см. также С. 92–100.

⁹³ В связи с этим обращают на себя внимание выводы антропологов, работавших над изучением костных останков и восстановлением мягких тканей лица по черепу московских великих княгинь и цариц. Подтвердилось, что некоторые из них умерли насильственной смертью, подвергаясь медленному методичному отравлению. Такая судьба, в частности, постигла мать Ивана Грозного Елену Глинскую и его первую жену царицу Анастасию Романовну. Представляет интерес, что в останках Марфы Собакиной, умершей вскоре после свадьбы и, по предположению современников, отравленной, ни солей ртути, ни мышьяка в опасных для жизни количествах не выявлено. Не исключено, что если «царская невеста» и была отравлена, то какими-то ядами растительного происхождения, может быть – травами или грибами. Довольно высокое содержание солей ртути и мышьяка в костных останках царицы Ирины Годуновой, напротив, по предположению антропологов, об отравлении не свидетельствует. В соответствии с медицинскими представлениями средневековья, малыми дозами препаратов ртути и мышьяка ее могли лечить от бесплодия и, вероятно, от заболеваний костной системы (у царицы выявлен порок в развитии костей таза, который не позволял ей вынашивать детей). В костных останках Ивана Грозного и царевича Ивана Ивановича было обнаружено большое количество ртути – признаков возможного острого или хронического отравления ее препаратами (см.: Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973. С. 184; *Панова Т., Пежемский Д.* Отравили! Жизнь и смерть Елены

дования гибели царевича Дмитрия в показаниях («расспросных речах») Василисы Волоховой и челобитной вдовы дьяка Михаила Битяговского Авдотьи всплыли угличские ведуны – «жоночка уродливая», которая будто бы «ц(а)р(е)вича портила», «ведуны и ведуньи», постоянно «добываемые» Нагими к царевичу, и Андрюшка Молчанов, якобы вороживший «сколко... государь долговечен и государыня царица». Авдотья Битяговская прямо связывала расправу над мужем с тем, что государев дьяк выказывал Нагим недовольство присутствием возле царевича «ведунов и ведуний»: «...Жалоба, государь, мне на Михайла да на Григорья на Ногих: велел, государь, тот Михайло да Григорей убити мужа моего Михаила и сына моего Данила по недружбе, что, государь, муж мой Михайло говорил многжда да и бранился с Михаилом за то, что он добывает безпрестанно ведунов и ведуней к царевичу Дмитрею, а ведун, государь, Ондрюшка Молчанов тот безпрестанно жил у Михаила, да у Григорья, да у Ондреевы жены Нагово у Зеновьи. И про тебя, государя, и про царицу Михайло Нагой тому ведуну велел ворожити, сколко ты, государь, долговечен и государыня царица. То есми, государь, слыхала у мужа своего». Ведуны и ворожеи нередко выступали в роли отравителей, виртуозно владея искусством приготовления ядов наряду со средневековыми алхимиками, аптекарями и врачами. Именно с ними связывались «сглаз» и наведение «порчи», т.е. причинение заболевания и даже смерти колдовством⁹⁴.

Глинской. Историко-антропологическое исследование // Родина. 2004. № 12. С. 26–31. Об использовании ядов как средстве устранения политических соперников см.: *Панова Т.* Средневековая Русь. С. 110–115; ср.: *Панов И.Е.* Отечественная судебная медицина. С. 90–100). Таким образом, мы видим, что и врачи, и отравители XVI–XVII вв. пользовались однотипным арсеналом токсинов – травы, грибы, мышьяк, ртуть.

⁹⁴ *Панова Т.* Средневековая Русь. С. 115; *Арнаутова Ю.Е.* Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб., 2004. С. 263.

Известно, что, работая над своими записками, Флетчер, бывший в России сравнительно недолго (в 1588–1589 гг.), пользовался консультациями Горсея, который прожил в Московии без малого два десятилетия – с 1573 по 1591 гг. – и хорошо знал ее историю и порядки. В связи с этим неясно, появились ли у Флетчера записи о заговоре против Дмитрия Угличского и Нагих под влиянием Горсея или независимо от него. В первом случае степень достоверности этого известия заметно снижается. Кроме того, как уже говорилось, Горсей неоднократно редактировал и переписывал свои «Записки», в том числе, и постфактум, уже зная итог разворачивавшихся у него на глазах событий. Начатое в 1589/90 г., «Путешествие» в основных чертах было закончено Горсеем в 1592/93 г., но окончательную редакцию получило только к 20-м годам XVII в.⁹⁵ Когда у Горсея появилась запись о готовящемся отравлении царевича и его матери – до или после событий мая 1591 г. и визита Нагого – неясно. Поэтому оценить степень достоверности известия Горсея о заговоре отравителей также вряд ли возможно.

Совершенно очевидно другое. Реальной власти в руках Нагих не было, и положение царевича и его родственников в Угличе мало напоминало положение старых удельных князей. Нагие могли действовать только именем царевича. Власть в Угличе осуществлялась государевым дьяком Михаилом Битяговским, он же фактически ведал материальной стороной содержания царевича и его родни в Угличе. Содержания этого явно не хватало. Нагие не могли быть довольны. И все-таки в них жила надежда подобраться к трону вместе с единственным наследником бездетного Федора – царевичем Дмитрием. Страхи перед возможным отравлением царевича, вероятно, стали каждодневным кошмаром Нагих.

К опасениям мнимым примешивались и реальные. Нагие не могли не отдавать себе отчета в том, что царевич тяжело и опасно болен. Ворожба, ведуньи, ведуньи и юродивые в удельном дворце и на дворе Битяговских

⁹⁵ *Зимин А.А.* В канун. С. 152.

только усиливали нездоровую атмосферу вокруг мальчика. Мысль о его насильственной смерти вынашивалась постепенно, но мгновенно созрела на месте трагедии. Не случайно Нагие так легко озвучили ее и оказались так скоры на расправу со «злоумышленниками». Все страхи и подозрения нескольких лет опалы Нагих вырвались наружу. Нетрудно представить их состояние, когда в те несколько дней нервного и страшного ожидания расправы за мятеж и измену (убийство государева дьяка и разгром государевой Дьячей избы), прошедших от момента гибели царевича до приезда следственной комиссии в Углич, стало ясно, что и царица Мария отравлена. Сомнений в том, что это отравление, в то время и быть не могло: в конце XVI в. никаких представлений о психотравме, депрессии и реактивном психозе не было. Чаще всего проявления этих недугов списывались на отравление, а также сглаз, порчу, последствия ведовства и пр.

Среди родственников царицы были два Афанасия⁹⁶ – двоюродный дядя царицы, сын Александра Михайловича Нагого, оказавшийся после смерти Ивана Грозного в Новосили – одном из укрепленных пунктов оборонительной линии на южных рубежах Московского государства, и родной ее дядя Афанасий Федорович Нагой (сослан в Ярославль в 1584 г.). Джером Горсей указал, что ночью к нему явился брат царицы: «I saw by moonshine empress' brother, Afanasii Nagoi, the late widow empress, mother to the young prince Dmitrii» («Я увидел при свете луны Афанасия Нагого, брата покойной (бывшей?) вдовствующей царицы, матери юного царевича Дмитрия»). Брата Афанасия у царицы не было. У нее

⁹⁶ Пользуемся генеалогической таблицей рода Нагих, составленной В.Д. Назаровым и являющейся рукописным Приложением к его докладу «Григорий Иванович и Иван Григорьевич Нагие: отец и сын на царской службе», прочитанному 23 мая 2011 г. в РГАДА на Научных чтениях, посвященных юбилею А.Л. Хорошкевич (далее: *Назаров В.Д.* Приложение к докладу).

имелись только родные братья Михаил и Григорий и ни одного двоюродного или троюродного брата с этим именем⁹⁷. В.Б. Кобрин отождествлял Афанасия с Афанасием Александровичем⁹⁸. Однако как мог этот человек явиться из Новосили в Ярославль, ничего не зная о событиях в Угличе?

Ряд ученых полагает, что ночным визитером Горсея был царицын дядя Афанасий Федорович, названный ее «братом» по ошибке. Такой версии придерживались, например, Р.Г. Скрынников, А.А. Зимин, М. Перри и новейший издатель Записок Горсея А.А. Севастьянова⁹⁹. Однако Л. Берри и Р. Крамми, сославшись на «Русскую родословную книгу» А.Б. Лобанова-Ростовского и «Русский биографический словарь», заметили, что Афанасий Федорович Нагой умер в Ярославле еще в 1585 г.¹⁰⁰. В.Д. Назаров в статье «Нагие» указывает в качестве даты смерти Афанасия Федоровича 1585 г.¹⁰¹. Берри и Крамми предположили, что Горсей перепутал имя приезжавшего к нему Нагого: им был не Афанасий, а Ан-

⁹⁷ Двоюродными, трюродными и четверюродными братьями царицы были восемь представителей рода Нагих: Иван Семенович, Петр Афанасьевич, Андрей Андреевич, Александр Михайлович, Василий Михайлович, Богдан (Стефан) Михайлович, Никифор Иванович и Гаврило Иванович. Оба известных Афанасия Нагих – Афанасий Федорович и Афанасий Александрович – приходились ей дядьями, а не братьями: они были сыновьями Федора Михайловича и Александра Михайловича Нагих (*Назаров В.Д.* Приложение к докладу).

⁹⁸ *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 88.

⁹⁹ *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов и царевич Дмитрий // Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Б.А.Романова. Л., 1971. С. 188; *Он же.* Борис Годунов. М., 1983. С. 82-84; *Зимин А.А.* В канун. С. 169; *Perrie M.* Jerome Horsey's Account... P. 40; [*Севастьянова А.А.*] Комментарий // *Горсей Д.* Записки. С. 204–205, примеч. 251–252.

¹⁰⁰ Rude & Barbarous Kingdom. P. 375, note 5.

¹⁰¹ СИЭ. М., 1966. Т. 9. Стб. 871.

дрей¹⁰². Между тем Афанасий Федорович Нагой был жив в 1588 г. 21 декабря 1588 г. он пожертвовал Троице-Сергиеву монастырю 50 руб. по душе своего умершего сына Петра¹⁰³.

По мнению Р.Г. Скрынникова, Афанасий Федорович был в 1591 г. не только жив, но и являлся одним из самых деятельных участников политической борьбы 1590-х годов, превратившим Ярославль едва ли не в центр антигодуновского заговора¹⁰⁴. А.Л. Станиславский и С.П. Мордовина полагали, что А.Ф. Нагой «умер около 1598 г.»¹⁰⁵. Это утверждение сопровождалось глухой ссылкой на троицкий синодик¹⁰⁶. Никаких обоснований своей точки зрения авторы не давали. О дате смерти А.Ф. Нагого или о каком-либо вкладе по его душе сведений нет. В последнее время С.М. Каштанов занимался отождествлением лиц, упомянутых в указанном синодике до и после Афанасия Нагого¹⁰⁷. Ниже приводятся его наблюдения и выводы.

Непосредственно перед Афанасием названа его жена Татьяна, а перед ней – Александр Борисович Щецкин, вклад по которому сделал кн. А.И. Хворостинин 2

¹⁰² Rude & Barbarous Kingdom. P. 375, note 5.

¹⁰³ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подготовили Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева. М., 1987. С. 70. Л. 234; *Кириченко Л.А., Николаева С.В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). М., 2008. С. 247, 348. № 3423.

¹⁰⁴ *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов и царевич Дмитрий // Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Б.А. Романова. Л., 1971. С. 188.

¹⁰⁵ *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 180, примеч. 13.

¹⁰⁶ НИОР РГБ. Ф. 304. № 41. Л. 27.

¹⁰⁷ Приносим благодарность А.В. Кузьмину за помощь в работе над л. 26 об. – 27 троицкого синодика (№ 41) и С.М. Каштанову за сообщенные наблюдения.

февраля 1592 г.¹⁰⁸. Сразу после Афанасия в синодике значится инок Нифонт Хитрово. Возможно, это Никита Васильевич Хитрово. Его вклад в Троицу относится к 1 октября 1559 г.¹⁰⁹, но дата смерти неизвестна. За ним идет Иван Юренев. Это уже деятель XVII в. В боярской книге 1627 г. И.И. Юренев числился среди выборных дворян по Коломне¹¹⁰. После Ивана Юренева синодик упоминает инока Паисею Нелединского. Он может быть отождествлен с Петром Михайловым сыном Нелединского, который отдал в Троицу по душе родителей село в Бежецком Верхе. Это произошло в 1571/72 г.¹¹¹. Дата смерти самого П.М. Нелединского неизвестна. Если он умер через 20 лет после смерти родителей, его кончину надо отнести к 1591/92 г. Но такое допущение совершенно произвольно.

После Паисия Нелединского в синодике названа инока Маремьяна. Над ее именем сделана надпись: «Ку[рцева] жена [А]л(е)Цѣвичя, Плещѣва Сѹчина». Вероятно, имеется в виду жена Афанасия (Алексея) Ивановича Курцева, дочь Федора (или Ивана?) Очина-Плещеева Старого. 5 марта 1542 г. Никита Фуников сын Курцов дал в Трице-Сергиев монастырь вкладом «по матери своей Мартемьяне» 49 руб. 30 ал. 2 д.¹¹². Далее в синодике стоит имя «Захаріа» и над ним надпись «дѣт[и]». Речь идет, по-видимому, о Захарии Ивановиче Очине-Плещееве, по которому его брат Никита дал вклад 26 декабря 1591 г.¹¹³. После Захарии написано

¹⁰⁸ Вкладная книга. С. 87. л. 307 об.

¹⁰⁹ Там же. С. 105. Л. 377; Кормовая книга. С. 131, 286, 347. № 824, 3403.

¹¹⁰ Боярская книга 1627 г. / Подгот. текста и вступ. статья М.П. Лукичева и Н.М.Рогожина. Под ред. и с предисл. В.И.Буганова. М., 1986. С. 124. Л. 389 об.

¹¹¹ Вкладная книга. С. 143. Л. 549 об.; Кормовая книга. С. 315, 369. № 192, 1599.

¹¹² Вкладная книга. С. 68. Л. 226 об.; Кормовая книга. С. 306. № 1386.

¹¹³ Вкладная книга. С. 42. Л. 118.

«Иванна». Надпись над этим именем не поддается прочтению. Скорее всего, тут могло быть слово «Сѹчины» или «Сѹчина». Это предположение основано, во-первых, на том, что упомянутые в синодике рядом Захария и Иван были братьями. Их брат Никита Иванович Очин-Плещеев делал свой сторублевый вклад не только по Захарии, но и по Иване, о чем прямо говорится в записи от 26 декабря 1591 г. Во-вторых, слово над именем «Иванна» должно было быть связано со словом «дѣти» над именем Захарии. Эти два надстрочных слова представляли собой единую надпись, растянутую над двумя словами. Отсюда предположение, что надпись в целом гласила «дѣти Сѹчина» или «дѣти Сѹчины».

Следующее лицо, кого предписывается помянуть в синодике, - инока Ираида. Надстрочная надпись раскрывает тайну этого имени: «Михаилова жена [Бул]гаква». Во вкладной книге есть запись: «100-го году, октября в 4 день по Орине Михаилове жене Матфеевича Булгакова дал вкладу Петр Васильевич Годунов денег 50 рублей»¹¹⁴. Видимо, Ирина Булгакова умерла незадолго до 4 октября 1591 г.

Идентификацию имен можно было бы продолжить, но кажется и так теперь понятно, почему Станиславский и Мордовина датировали смерть А.Ф.Нагого временем «около 1593 г.»: некоторые близкие к нему по синодику лица, чья смерть поддается датировке, умерли либо в конце 1591 г., либо в начале 1592 г. Скорее всего, Афанасий Федорович Нагой и его жена Татьяна погибли тоже не в 1593 г., а в 1591 – 1592 гг., но не до, а после, а может быть, в результате майских событий 1591 г.

Во всяком случае, после того, как стало ясно, что 1585 г. является ошибочной датой смерти А.Ф. Нагого, намного увеличилась вероятность того, что именно с ним общался Горсей ночью в Ярославле. Поскольку Горсей твердо помнил редкое для английского уха имя Афанасий, переименованное им на «Альфонасий»

¹¹⁴ Там же. С. 108. Л. 394.

(«Alphonassy Nagoie»), это был его хороший знакомый. Только близкий приятель мог явиться к опальному англичанину в неурочное время, неофициально и с расчетом на понимание и сочувствие. К тому же, найти ночью английский двор в Ярославле было бы, наверное, сложно иногородцу, жителю Углича, в то время как житель Ярославля, каковым являлся Афанасий, легко ориентировался в местной топографии. Горсей не говорит, что его ночной гость приехал из Углича. Неизвестно, был ли Горсей знаком с Андреем Александровичем Нагим и решился ли бы тот покинуть Углич в столь критический момент¹¹⁵. Более вероятен другой сценарий: к Афанасию прибыл из Углича доверенный человек Нагих, рассказал ему о случившемся и попросил оказать помощь. Смерть Афанасия Федоровича и его жены в конце 1591 или начале 1592 г. говорит о многом. Они могли поплатиться жизнью и за обращение к Горсею, и за связь с угличскими Нагими.

Итак, между 16 и 19 июля 1591 г. состоялся ночной разговор Нагого с Горсеем, записанный последним по памяти. Если сведения медицинского характера выглядят в нем вполне правдоподобными и косвенно подтверждаются материалами Следственного дела, то точность воспроизведения англичанином всех деталей этого разговора вызывает определенные сомнения. Во-первых, обращает на себя внимание нарочитая беллетризация самого эпизода встречи, описанного в духе детективного романа. Разговор взволнованного Нагого с перепуганным насмерть англичанином происходит ровно в полночь, под покровом темноты, и только одинокая луна освещает лицо незваного визитера («But one night...»; «...One rapped at my gate at midnight...»; «...I saw by moonshine empress' brother...»). Горсей напуган заранее, еще не зная, ни кто стучится в его ворота, ни почему.

¹¹⁵ На следствии А.А. Нагой говорил, что находился при теле царевича «неотступно». Как же он мог при этом ездить в Ярославль?

При этом испуг дипломата так силен, что он «едва не отдал Богу душу». Одновременно Горсей не забывает указать на свою полную боеготовность и то, что в его распоряжении находился целый штат вооруженных слуг (15 человек) и арсенал («God did miraculously preserve me...»; «...I commended my soul to God above other, thinking verily the time of my end was come...»; «...I was well furnished with pistols and weapons»; «I and my servants, some fifteen, went with these weapons to the gate...»). В таком контексте зловещая история, рассказанная ночью, носит не то романтический, не то героический флер.

Во-вторых, Горсей прямо говорит об умолчаниях, которые делает сознательно: «...Many other things passed not worth the writing, sometimes cheerful messages, sometimes fearful...». Оборот об умолчаниях помещен в «Записках» сразу после упоминания о ссылке Горсея «царем и советом» («emperor and council») за 250 миль от Москвы и непосредственно перед рассказом о ночном визите Нагого на Английский двор. Безусловно, он мог означать как отказ от повествования об отдельных событиях в Русском государстве, случившихся за период ссылки вообще, но и содержал намек на то, что и изложение последующих событий не обойдется без корректив и купюр. Это тем более вероятно, что уже 10 июня 1591 г. Горсей прямо писал Уильяму Сесилу о «многих... необыкновенных делах», которые он и описать не смеет, и «не столько потому, что это утомительно, сколько из-за того, что это неприятно и опасно». Какой опасности ждал Горсей в Ярославле, загодя вооружившись и окружив себя охраной? Почему был так напуган, что едва не испустил дух, когда в его ворота настойчиво постучались? Что заставило его не на шутку испугаться за свою жизнь (а он готовился защищать ее с оружием в руках), и, тем не менее, вступить в контакт с ночным гостем? В-третьих, почему именно у Горсея родственник царицы искал «что-нибудь действенное», говоря о

ее отравлении, ведь англичанин не был ни медиком, ни знахарем? Горсей явно не договаривает.

Как известно, еще среди современников тех трагических событий распространился слух, что малолетний наследник был заблаговременно спрятан родственниками, а вместо него был убит другой мальчик. В частности, Жак Маржерет прямо писал о том, что Борис Годунов готовил убийство царевича. Но поскольку «многие вельможи, отправленные в ссылку, были в дороге отравлены», Мария Нагая «и некоторые другие вельможи... сумели подменить его и подставить на его место другого [ребенка]», который позднее и погиб в Угличе¹¹⁶. Маржерет побывал в России при Лжедмитрии I, состоял у него на службе и конечно же излагал официальную версию, бытовавшую при его дворе¹¹⁷. Несмотря на то, что версия о подмене наследника другим мальчиком явно не состоятельна, впоследствии она была подхвачена некоторыми исследователями Смутного времени. Более того, сторонники версии спасения подлинного Дмитрия не исключали вероятности, что царевич Дмитрий был укрыт Нагими, и не без помощи Горсея¹¹⁸. Именно участием последнего в судьбе царевича объясняют строки письма лорду Сесилу о «многих... необыкновенных делах», о которых Горсею было бы писать «опасно». Однако версия о сокрытии подлинного Дмитрия Горсеем кажется нам маловероятной и даже фантастической. Кроме того, она противоречит сведениям о болезни царицы, переживавшей тяжелейшую психическую травму, которые нашли подтверждения в Следственном деле.

В изложении разговора с Нагим у Горсея перемешались впечатления от событий, отстоявших друг от друга на несколько дней и даже лет, но объединенные

¹¹⁶ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. С. 124–125.

¹¹⁷ *Зимин А.А.* В канун. С. 169.

¹¹⁸ См., например: *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? С. 89.

темой угличской трагедии 15 мая. Некоторые из них Дж. Горсей фиксировал как непосредственный участник и свидетель, о других узнавал из разных источников – по преимуществу устных. Весть о смерти царевича 15 мая могла достичь Москвы на следующий день, т.е. 16 мая. Из Москвы на место трагедии незамедлительно выехал пристав Темир Засецкий, прибывший в Углич 18 мая. 19 мая сюда приехала следственная комиссия Шуйского, а также митрополит Крутицкий Геласий – для погребения царевича, которое состоялось 22 мая. Все признаки мнимого отравления Марии Нагой (включая поражение ногтей), на деле являвшиеся проявлениями соматизированной депрессии, должны были возникнуть в течении первых 4–5 дней после гибели царевича. Вероятно, что реактивная паранойя царицы, ярко обозначившаяся 15–16 мая в поиске злоумышленников (избиение Волоховой, гибель Осипа Волохова, казнь юродивой), померкла на фоне усиливающегося депрессивного состояния. Царица слегла 17–18 мая, а 18–19 мая из Углича в Ярославль пришли вести о происшедшем. Дата 19 мая содержится в письме Горсея лорду Сесилу (барону Берли) как дата гибели царевича Дмитрия. Вероятно, эта дата соответствует времени приезда в Ярославль вестника от Нагих и свидания Афанасия Нагого с Горсеем. Горсей сообщает о пожарах в Москве, как о произошедших не после, а до трагедии в Угличе («...some four days before...») – следствие ошибки информаторов Горсея или его собственной памяти. Маловероятно, что Горсей ошибался здесь намеренно¹¹⁹. Вместе с тем, он намеренно или невольно излагает антигодуновскую версию событий в Угличе и Москве в мае-июне 1591 г.

Почему Комиссией Василия Шуйского не было раздута дело об «отравлении» царицы? В Следственном деле нет ни малейших намеков на ее болезнь, и только отсутствуют ее показания. В расспросных речах род-

¹¹⁹ *Зимин А.А.* В канун. С. 175–176.

ственников царицы и, прежде всего, Михаила и Андрея Нагого, нет ни слова о царицыном недуге. В чем же дело?

Не исключено, что комиссия явилась в Углич, заранее имея решение об итогах следствия. Это решение не должно было скомпрометировать действующую власть, но должно было дать возможность наказать Нагих (т.е. устранить их от трона окончательно и бесповоротно). Вывод комиссии о самозаклании Дмитрия вследствие небрежения Нагих и «божьим судом» как нельзя лучше отвечал этой задаче. По распоряжению правительства царя Федора Ивановича, родственников вдовой царицы разослали по тюрьмам, а саму Марию Нагую насильно постригли в монастыре на Выксе. Угличане – участники волнения – подверглись пыткам, массовым казням и ссылке в Сибирь во вновь построенный городок Пелым. Углич запустел.

В начале XVII в. царевич Дмитрий как бы «воскрес» для истории. Самозванцы Лжедмитрий I в 1605–1606 гг. и Лжедмитрий II в 1607–1610 гг. выдавали себя за чудом спасенного сына Ивана IV. В ответ на это правительство царя Василия Шуйского (1606–1610 гг.) канонизировало «невинно убиенного отрока» и тем самым перечеркнуло выводы Следственной комиссии 1591 г. На сей раз утверждалось, что по наущению Бориса Годунова к царевичу были подсланы зарезавшие его убийцы. С тех пор бытуют две версии о гибели Дмитрия Угличского. Одна объясняет его смерть убийством, другая – «самозакланием»¹²⁰. Однако как бы ни рассматривать причину смерти царевича, очевидно, что смерть маленького больного мальчика в удельном Угличе оказалась прологом к событиям Смутного времени. Династический кризис и пресечение династии Ивана Калиты на московском

¹²⁰ Предложенную нами гипотезу о гибели царевича вследствие развившегося у него эпилептического статуса см.: *Белюсов П.В., Столярова Л.В.* Царевич Дмитрий Иванович: самозаклание, убийство, или... (опыт патографии) // *Медицинская экспертиза и право.* 2010. № 2. С. 49–54.

престоле, деятельность в России и Европе самозванцев Лжедмитрия I и Лжедмитрия II (первому из них удалось на целый год стать венчанным на царство государем), Крестьянская война начала XVII в. и польско-шведская интервенция были тесно связаны с событиями мая 1591 г. в Угличе и развивались по сценарию, так или иначе определенному кончиной царевича Дмитрия.

Запись доклада и его обсуждение доступны по ссылке: <http://www.worldhist.ru/News/384/9170/>.

Библиография

- Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973.
- Арнаутова Ю.Е.* Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб., 2004.
- Белоусов П.В., Столярова Л.В.* Царевич Дмитрий Иванович: самозаклание, убийство, или... (опыт патографии) // Медицинская экспертиза и право. 2010. № 2. С. 49-54
- Буссов К.* Московская хроника. М.; Л., 1961.
- Бычков А.Ф.* Повесть об убиении царевича князя Дмитрия // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1864. Кн. 4. Смесь. С. 1-4.
- Бычкова М.Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей [Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина]. М., 1977. Вып. 38.
- Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. М., 1991.
- Винокур Г.О.* Собрание трудов: Комментарии к «Борису Годуну» А.С.Пушкина. М., 1999.
- Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578-1582). СПб., 1889.
- Глаголев Д.М.* Душевная болезнь Иоанна Грозного // Русский архив. 1902. № 7.
- Горсей Д.* Записки о России. XVI- начало XVII в. / Пер. и сост. А.А.Севастьяновой. М., 1990.
- Гузева В.И.* Эпилепсия и неэпилептические пароксизмальные состояния у детей. М., 2007.

- Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986.
- Зимин А.А.* Смерть царевича Дмитрия и Борис Годунов // Вопросы истории. 1978. № 9. С. 92-94.
- Каиштанов С.М.* Дипломатика как специальная историческая дисциплина // ВИ. М., 1965. № 1. С. 39-44.
- Кириллов В.А.* Эпилепсия. М., 1990.
- Кириллов В.А.* Эпилептический статус. М., 1974.
- Кириллов В.А.* Судорожный эпилептический статус. М., 2003.
- Клейн В.К.* Дело розыскное 1591 году про убийство царевича Дмитрия Ивановича на Угличе. М., 1913 (фототипическое воспроизведение текста).
- Кобрин В.Б.* Иван Грозный. М., 1989
- Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992.
- Ковалевский И.П.* Иоанн Грозный и его душевное состояние. Психиатрические эскизы из истории. СПб., 1901.
- Колунаев Г.П., Ключев В.М., Лакосина Н.Д. и др.* Экспедиция в гениальность: Психобиологическая природа гениальной и одаренной личности. Патографические описания жизни и творчества великих людей. М., 1999.
- Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. М., 1990. Кн. 1.
- Крылов И.Ф.* Были и легенды криминалистики. Л., 1987.
- Личко А.Е.* Подростковая психиатрия: Руководство для врачей. Л., 1985.
- Лурье Я.С.* Письма Джерома Горсея // Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. Серия историч. наук. Л., 1941. Вып. 8, № 73. С. 199-201
- Маржерет Ж.* Состояние Российской империи: Ж.Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. *Ан. Береловича, В.Д.Назарова, П.Ю.Уварова.* М., 2007.
- Масса Исаак.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // *Исаак Масса, Петр Петрей.* О начале войн и смут в Московии. М., 1997.
- Крылов И.Ф.* Были и легенды криминалистики. Л., 1987. 216 с
- Молин Ю.А.* Тайны гибели великих. СПб., 1997.
- Морозова Л.Е., Морозов Б.Н.* Иван Грозный и его жены. М., 2005

- Наследственные нарушения нервно-психического развития детей: Руководство для врачей / Под ред. *П.А.Темина, Л.З.Казанцевой*. М., 2001.
- Отреченное чтение в России XVII-XVIII веков. М., 2002.
- Панов И.Е.* Отечественная судебная медицина с древности до наших дней. М., 2011.
- Панова Т.* Средневековая Русь: Яды как средство сведения счетов // Наука и жизнь. 2006. № 8. С. 115
- Панова Т., Пежемский Д.* Отравили! Жизнь и смерть Елены Глинской: Историко-антропологическое расследование // Родина. 2004. № 12. С. 26-31.
- Петр Петрей.* История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, вере и обрядах, которую собрал и обнаружил Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // *Исаак Масса, Петр Петрей.* О начале войн и смут в Московии. М., 1997.
- Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913.
- Полосин И.И.* Социально-политическая история России XVI – начала XVII в.: Сб. статей. М., 1963.
- Психиатрия: Справочник практического врача / Под ред. *А.Г.Гофмана*. М., 2006. С. 300-311.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14; М., 1978. Т. 34.
- Русская историческая библиотека (РИБ). СПб., 1909. Т. 13
- Руководство по психиатрии в двух томах / Под ред. акад. АМН СССР *А.В.Снежневского*. М., 1983. Т. 2.
- [*Севастьянова А.А.*] Комментарии // *Горсей Д.* Записки. С. 172-214.
- Семенченко В.Ф.* Хроника фармации. М., 2007
- Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и комментарии *О.А.Державиной и Е.В. Колосовой*, М.; Л., 1955.
- Скрынников Р.Г.* Борис Годунов и царевич Дмитрий // Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Б.А.Романова. Л., 1971.
- Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1983.
- Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2006.
- Скрынников Р.Г.* Лихолетье: Москва в XVI-XVII веках. М., 1988.

- Следственное дело об убиении царевича Дмитрия Иоанновича, произведенное в Угличе по повелению государя царя Феодора Иоанновича боярином князем Василием Ивановичем Шуйским, окольным Андреем Петровичем Клешиным и дьяком Елизарием Вылузгиным. Писано 1591 года, в мае... // СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 60. С. 103-123.
- Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1986. Вып. 11.
- Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1988. Вып. 14.
- Смулевич А.Б.* Депрессии при соматических и психических заболеваниях. М., 2003
- Смулевич А.Б., Иванов О.Л., Львов А.Н., Дороженко И.Ю.* Психодерматология: Современное состояние проблемы // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С.Корсакова. 2004. № 11. С. 4-13.
- Суворин А.С.* О Дмитрие Самозванце: Критические очерки, с приложением нового списка следственного дела о смерти царевича Дмитрия. СПб., 1906.
- Таймасова Л.* Трагедия в Угличе: Что произошло 15 мая 1591 года? М., 2006.
- Тополянский В.Д., Струковская М.В.* Психосоматические расстройства (руководство для врачей). М., 1986
- Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия. 15 мая 1591 г. / Изд. подгот. В.[К].Клейн. М., 1913
- Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906.
- Эпилепсия и судорожные состояния у детей: Руководство для врачей / Под ред. *П.А.Темина, М.Ю. Никаноровой.* М., 1999.
- Эпилептический статус и другие судорожные состояния // Руководство для врачей скорой помощи / Под ред. *В.А.Михайловича.* Л., 1990. С. 491-493.
- Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales Sous la direction d'*A. Dechambre et L. Lereboullet.* Paris, 1887. Т. XVII. *Nicolas Lémery.* Pharmacopée universelle. Nyon, J.-T. Hérisant, 1764. Т. II.
- Perrie M.* Jerome Horsey's Account of the Events of May 1591 // Oxford Slavonic Papers. 1980. Vol. 8.
- Rude & Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of 16th Century English Voyagers / Ed. by *L.E.Berry, R.O.Crummey.* Madison, Vilwaukee and London, 1968.